

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVIII.

1885.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашкв. наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

ЗАКОНЫ СТИХА РУССКАГО НАРОДНАГО И НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО. Опытъ изслѣдованія П. Д. Голоухастова. Спб. 1883. (Изданіе Общества любителей древней письменности).

Русское народное творчество своимъ богатимъ, неисчерпаемымъ матеріаломъ уже издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей, число которыхъ съ каждымъ годомъ растетъ все болѣе и болѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и разнообразіе изысканій въ этой области, съ точки зрѣнія задачъ, которыя берутъ на себя изслѣдователи. Не говоря уже о постоянномъ обогащеніи самаго матеріала, вслѣдствіе вновь появляющихся сборниковъ пѣсень эпическихъ и лирическихъ, собраний плачей, причитаній, сказокъ, преданій и пр., мы видимъ, что и изслѣдованія этихъ данныхъ все болѣе и болѣе начинаютъ специализироваться; рядомъ съ изученіемъ предмета историко-литературнымъ — со стороны происхожденія, содержанія, критики текста и т. п., являются опыты объясненія и формальной стороны этого творчества — стихосложенія и народной музыки; можно надѣяться, что и лингвистическая сторона дѣла на останется безъ дальнѣйшаго движенія; труды, посвященные вопросамъ народной этимологіи и синтаксиса, вѣроятно, не заставятъ себя долго ждать.

Но въ послѣдніе три, четыре года особенное вниманіе выпадаетъ на долю изслѣдованія основныхъ законовъ построенія народной пѣ-

сенной рѣчи, законовъ народнаго русскаго стихосложенія. Вопросъ этотъ, самъ по себѣ, не новъ; уже Востоковъ выдвинулъ его на очередь и поставилъ на научную почву ¹⁾, появлялись труды и послѣ него ²⁾; въ послѣднее время дѣятельность по этому вопросу только оживилась, и именно вслѣдствіе сознанія той неудовлетворительности предшествовавшихъ рѣшеній, которая стала очевидною при болѣе широкомъ знакомствѣ съ матеріаломъ, обогатившимся новыми памятниками, болѣе точно и правильно записанными; съ другой стороны, эта оживившаяся дѣятельность говоритъ о назрѣвшей потребности такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ, поставить на твердую почву, овладѣть, наконецъ, тѣмъ, что какъ бы ускользало отъ вниманія предшествовавшихъ наблюдателей, открыть секретъ, заключающійся въ этомъ не рѣшенномъ вопросѣ. Но считаемъ нужнымъ добавить, что потребность эта не вызывается желаніемъ разрѣшить только загадку, какъ бы загаданную вольнымъ пѣвцомъ, безхитростнымъ русскимъ народомъ, и на томъ успокоиться; задача эта гораздо шире, вызывается она цѣлями болѣе практическими, и разрѣшеніе ея должно быть таковымъ, чтобъ освѣтить многое неясное и темное въ широкомъ, разнообразномъ и оригинальномъ проявленіи русскаго народнаго творчества со стороны внѣшней, формальной, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовать усненію и многихъ внутреннихъ сторонъ, послужить ключемъ къ разрѣшенію вопросовъ, уже выходящихъ

¹⁾ Опытъ о русскомъ стихосложеніи. С.-Пб. 1817.

²⁾ *Самсоновъ*, Краткое разсужденіе о русскомъ стихосложеніи: *Вѣстн. Евр.* 1817. Авг. № 15—16, стр. 219. *И. Н. Срезневскій*, Мысли объ исторіи русскаго языка. 1849. гл. VII; его же: Нѣсколько замѣчаній объ эпическ. размѣрѣ народныхъ Славянскихъ пѣсень: *Изв. Им. Акад. Наукъ по 2-му отд.* 1861 г.; *Пересильскій*, Русское стихосложеніе. Сиб. 1853. *В. Классовскій*, Версификаціи. Сиб. 1863 г. *Оленичскій*, Ритмъ и метръ въ восточнѣйшей поэзіи: *Труды Киевск. Дух. Акад.* Сент. 1872 г. *Лебедевъ*, Стихистика, *Филол. Зап.* 1877, вып. 5 и 6. прил., стр. 48 и сл. См. также: *А. А. Потебня*, Малорусская народная пѣсня XVI в.: Тетестъ и примѣч. *Филол. Зап.* 1877, вып. 2. стр. 12; его же: Рецензія на «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси.» собр. *А. Ф. Головацкимъ*: Отчетъ о XXII присуд. Уваровскихъ наградъ. *Шафр. новъ*, О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами: *Ж. М. Н. Пр.* 1878 и 1879; *Вѣст. фаль*, О русской народной пѣснѣ: *Русск. Вѣстн.*, сент. 1879 г. *Ю. Н. Мельгуновъ*, Русскія пѣсни, непосредственно съ голоса народа записанныя и съ объясненіями заданныя. Вып. I. Москва. 1879. См. также нашу статью: По поводу тонической теоріи въ Славянскомъ народномъ творествѣ. Сборникъ стат. во славяновѣд., издани. учениками В. И. Ламанскаго. С.-Пб. 1883, стр. 475.

изъ сферы внѣшней формы, по находящихся въ связи съ нею, къ каковымъ принадлежатъ, напримѣръ, вопросы хронологическаго характера и др. Такая широкая задача требуетъ и широкаго круга дѣятелей; потъ почему всякій вновь появляющійся трудъ въ этой области привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ интересующихся дѣломъ народнаго творчества и заставляетъ искать въ себѣ, если и не полнаго рѣшенія вопроса, то во всякомъ случаѣ, освѣщенія его съ какой-нибудь иной стороны, разъясненія, быть можетъ, частныхъ фактовъ, находящихся въ связи съ главнымъ кореннымъ вопросомъ.

Новѣйшимъ трудомъ, представляющимъ попытку разрѣшить задачу о народномъ русскомъ стихосложеніи, является поставленное нами въ заголовкѣ сочиненіе П. Д. Голохвастова.

Трудъ этотъ, въ болѣе краткомъ видѣ, былъ напечатанъ еще въ 1881 году¹⁾. Но авторъ признаетъ сдѣланныя въ его трудѣ сокращенія и измѣненія „такими пропусками и передѣлками, за которыя изслѣдователю взять на себя отвѣтственность не возможно“; такъ говорится въ предисловіи къ новому изданію сочиненія г. Голохвастова, сдѣланному Обществомъ любителей древней письменности „по авторскому тексту“.

Разсмотримъ по существу это изслѣдованіе въ его новомъ видѣ²⁾.

Сочиненіе подраздѣлено на три главы; въ 1-й (стр. 1—23), служащей введеніемъ, авторъ налагаетъ свои взгляды на сущность поэтической рѣчи („сочетаніе словъ логическое и внѣстѣ музыкальное“), на самобытность ея у всякаго самобытнаго народа, на ея идеаль („тотъ стихъ, коего оба элемента, какъ логическій, такъ и музыкальный, каждый во всей своей силѣ и оба въ полной между собой гармоніи“: стр. 2). Установивъ затѣмъ названія для стихосложеній—греко-латинскаго („метрическое“), современнаго литературнаго и нѣмецкаго („тоническое“) и нашего народнаго („русское“), авторъ намѣчаетъ, такъ сказать, предѣлы своего изслѣдованія слѣдующими словами: „Изучить и опредѣлить всѣ развитыя русскимъ народомъ эпическія и лирическія формы стиха дѣло, мнѣ кажется, едва ли еще исполнимое, за всемѣнѣемъ, по нѣкоторымъ отраслямъ эпической и особливо лирической народной поэзіи, удовлетворительныхъ сборни-

¹⁾ *Русскій Вѣстникъ*, декабрь. 1881.

²⁾ Содержаніе его въ прежнемъ видѣ изложено въ статьѣ, не подписанной авторомъ: *Русскій народный стихъ и русская народная музыка*, *Прагит. Вѣстн.* 1882 г. № 35, 46.

късь, хорошо составленныхъ и вѣрно записанныхъ, но угадать основныя законы, общіе, должно быть, всѣмъ нашимъ историческимъ стихотворнымъ формамъ и указать примѣненіе этихъ законовъ къ одной, только покажѣть, но, по счастью, къ самой совершенной изъ всѣхъ стихотворныхъ формъ русскаго народа, къ главной былинной формѣ; вотъ что, [кажется мнѣ, возможно и теперь уже, благодаря послѣднему, истинно великому труду покойнаго А. Ф. Гильфердинга, его изъ ряду вонъ богатому и отлично впервые надежно записанному сборнику Онежскихъ былинъ. Въ поддержку и въ дополненіе при этихъ указаніяхъ можетъ съ большой пользою послужить, почти одновременно появившійся и тоже чрезвычайно удачно записанный сборникъ Е. В. Барсова: „Прочитанія Сѣвернаго края“ (стр. 4, 5).

Далѣе авторъ излагаетъ преимущества сборника Гильфердинга передъ старшими, по времени изданія, сборниками: Рыбникова, Кирѣевскаго, Кириши Давилова, къ которымъ, говоритъ авторъ, „если придется обращаться, то развѣ только отрицательно, дабы сличать результаты хорошаго и плохого способовъ записыванья народнаго стиха“ (стр. 5).

Первое достоинство сборника Гильфердинга авторъ справедливо находитъ въ способѣ записыванія былинъ, которымъ собиратель пользовался, записывая текстъ не съ словеснаго разказа, а съ голоса. Второе достоинство, несомнѣнно, заключается въ томъ, что собиратель „внимательно слушивалъ и бережно отмѣчалъ всѣ, или по крайней мѣрѣ очень многія необычныя ударенія въ словахъ: ударенія не какія-нибудь областныя, мѣстныя—это бы намъ не важно, а нѣтъ, явно произвольныя ударенія авторскія измѣняемыя, очевидно, стиха ради“ (стр. 7).

Распространившись о важности „авторскаго ударенія“, г. Голохвостовъ переходитъ къ третьему преимуществу, заключающемуся въ томъ, что „и другія стихотворныя вольности нашихъ пѣвцовъ, пожалуй, не менѣе авторскаго ударенія важныя въ стиховомъ разчетѣ; и чуть ли ни еще пуще, а иногда и вовсе пренебреженныя прежними собирателями, уловилъ и передаетъ намъ Гильфердингъ. Напримѣръ, сокращеніе гласной стиха ради:

Говорила лаленѣца ѣ горько плакала.....

И обратное явленіе, возстановленіе краткой гласной, стиха ради, въ полную:

Вокругъ носика-то носа Янцѣмъ кати...

А также, удвоеніе гласной какъ восполненіе окончаній въ прилагательныхъ:

Не выдашь-ли ты ударовъ богатырскихъ...

„Это явленіе“, говоритъ авторъ, — „столь важное въ слоговомъ разчетѣ стиха, передавалось изъ пятого въ десятое, и у прежнихъ собирателей; теперь, у Гильфердинга, уловлено и передано, кажется, безуронно“ (стр. 12, 13).

Перейдя затѣмъ къ сборнику плачей г. Барсова, который, какъ записанный по старому способу, пословесно, не имѣетъ указанныхъ выше преимуществъ, авторъ заключаетъ: „Но вѣдь дорогъ способъ результатами; а ежели и по другому, по старому способу результаты, какимъ бы то ни было чудомъ дались отличные, то и слава Богу: сборникъ хорошо, а два лучше“ (стр. 17, 18).

Поэтому „я и намѣренъ“, говоритъ авторъ, — „разбирать только по этимъ двумъ сборникамъ и, подробно, по крайней мѣрѣ, только одну, главную былинную стихотворную форму, которую, для краткости, просто буду называть былинной; ибо хотя и не всѣ былины сложены этимъ стихомъ, по огромное большинство и былинъ, и причитаній“ (стр. 18). Указавъ затѣмъ на связь, по содержанію и по формѣ, между былинной богатырскою, былинной молодецкою и плачемъ, который, по его мнѣнію, можетъ быть названъ былинной бытовою, г. Голохвастовъ даетъ слѣдующее обѣщаніе: „Про другія стихотворныя формы, болѣе древнія, или, напротивъ, гораздо новѣйшія въ богатырскихъ былинахъ, и про постороннія формы въ причитаніяхъ, а можетъ быть, и про нѣкоторыя не былиннаго стиха формы скажу я вамъ, что смогу, но уже послѣ главнаго“ (стр. 20)¹⁾.

Авторъ заканчиваетъ первую главу сортировкой и разчетомъ того матеріала, на которомъ онъ основываетъ свои выводы: былинъ въ обоихъ сборникахъ 300 нумеровъ; стиховъ отъ 60 до 65 тысячъ, отъ 74 пѣщцовъ и пѣвицъ. Изъ нихъ лучшіе, „какъ потому, что знаютъ былинъ больше, и что знаютъ то, все почти, полнѣе передаютъ и поэтичнѣе, нежели прочіе; такъ, и главное, потому что несравненно строже прочихъ наблюдаютъ стихъ“ — четверо: Рябининъ, Калипинъ, Федоновъ и Арина Федосова; у четверыхъ 56 нумеровъ; стиховъ тысячъ 20. Для провѣрки выводовъ авторъ рекомендуетъ обращаться

¹⁾ Въ разбираемомъ сочиненіи это обѣщаніе авторомъ еще не выполнено.

къ сборнику Гильфердинга (стр. 440 до 550) — былины Рябинина; при этомъ, однако, по указанію автора, нужно исключить былины № 73, 81 и 84 (стр. 20, 21).

Обставивъ такимъ образомъ свою задачу, авторъ въ послѣдующихъ двухъ главахъ излагаетъ свои основоположенія и приводитъ въ пользу ихъ доказательства. Намъ интересуютъ, собственно, предлагаемые авторомъ законы русскаго народнаго стиха; поэтому мы и остановимся подробнѣе на разборѣ этихъ двухъ главъ.

Итакъ, первое основоположеніе г. Голохвастова слѣдующее: „Нѣтъ стиха внѣ гармоніи удареній. Я не говорю: полной гармоніи, но внѣ хоть какой-нибудь“ (стр. 24). Слѣдуетъ за симъ рядъ доказательствъ по поводу могущихъ явиться возраженій относительно примѣнимости сказаннаго къ стихосложеніямъ дубочному и силлабическому, и затѣмъ выводъ: „Итакъ, правда ваша: ничего нѣтъ кромѣ рѣмы, въ дубочномъ стихѣ; и ничего, кромѣ рѣмы, да счета слоговъ, въ силлабическомъ. Но и моя правда: внѣ ударенія нѣтъ и рѣмы, а слѣдовательно и никакого стиха, хотя бы и только рѣмованнаго“ (стр. 27).

Положеніе и выводъ, несомнѣнно, вѣрны; въ такой же мѣрѣ это положеніе примѣнимо и къ метрическому (греко-латинскому) стихосложенію, гдѣ ударенію указаны мѣста долгимъ слогомъ въ стоиѣ, и гдѣ на этихъ удареніяхъ (арзисахъ) держится вся такъ-называемая скандовка; иначе и быть не можетъ; разъ стихи говорятся, а не поются, другіе устои, кромѣ удареній, для нихъ и немислимы; авторъ, къ сожалѣнію, не говоритъ здѣсь о метрическомъ стихосложеніи; надо думать, что онъ, вмѣстѣ съ нами, также видитъ эту примѣнимость; не знаемъ, признаетъ ли онъ въ греко-латинскомъ стихѣ что-нибудь еще другое, кромѣ удареній, подобно тому, какъ въ дубочномъ стихѣ онъ признаетъ рѣму, а въ силлабическомъ—рѣму и схему, которыя „опредѣляютъ мѣсто“ ударенію (стр. 25), стало быть, заправляютъ имъ.

Но вѣдь не только стихъ, а и всякая проза, нуждается въ удареніяхъ, мѣста которыхъ опредѣляются въ ней смысломъ или благозвучіемъ; и для прозы тоже нужна извѣстная „гармонія удареній“, обусловленная какими-нибудь требованіями, хотя бы знаніемъ языка, краснорѣчіемъ и т. п. Понятіе: гармонія — довольно растяжимое; подъ нимъ, въ данной области, кажется намъ, нужно разумѣть извѣстное сочетаніе звуковъ, производящее пріятное впечатлѣніе на слухъ; оно вовсе не обусловлено правильной однообразной повторяемостью звуковъ, но допускаетъ и самыя разнообразныя сочетанія; въ

силу этого хорошая проза также гармонична, какъ и хорошіе стихи, притомъ не такіе только стихи, гдѣ ударенія одной строки одинаково повторяются въ послѣдующихъ:

Были и лѣто, и осень дождливы;
Были потопами нажиты, нивы.

Пушкинъ.

но и такіе:

Молчи, холопы! Не смѣешь ты царю
Не выслушавъ перебивать. Не въ силахъ
За кровь князей, боярства и народа
Я мстить тебѣ—самъ царь твой защита;

Островскій.

Разница только въ томъ, что гармонія прозы обуславливается одними требованіями, гармонія поэзіи—другими, и притомъ, конечно, многообразными, въ зависимости отъ извѣстнаго склада. Значить, ударенія, способствующія гармоніи, какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, не нѣчто самостоятельное, рѣшающее все дѣло, но только способствующее достиженію извѣстной цѣли, извѣстнаго склада рѣчи, какъ прозаической, такъ и стихотворной; и если стихъ отличается отъ прозы, то не потому только, что въ немъ гармонія удареній, ибо таковая отличаетъ и прозу, но потому, что въ стихѣ удареніемъ—этимъ спутникомъ всякой рѣчи—заправляетъ для полученія извѣстной гармоніи одна сила, а въ прозѣ—другая. Въ чемъ заключается эта сила—другой вопросъ; очевидно, только, что не въ самомъ же удареніи. Въ виду всего этого, намъ кажется, что основоположеніе г. Голохвастова даетъ нисколько не больше того, что „нѣтъ рѣчи (прозаической или стихотворной) внѣ гармоніи удареній; я не говорю, полной гармоніи, но внѣ хоть какой-нибудь“ (срав. стр. 24), и притомъ: „внѣ ударенія нѣтъ и рѣчи (ни прозаической, ни стихотворной) (срав. стр. 27: „внѣ ударенія нѣтъ и стиха“).

„Что же оно такое, это великое стиховожидательное начало ударенье?“ спрашиваетъ вслѣдъ затѣмъ авторъ.— „Въ чемъ и какъ проявляется оно?“ (стр. 29). Въ силу только что сказаннаго, намъ кажется, что въ предъидущемъ авторъ выставилъ недостаточно данныхъ для того, чтобы тутъ же назвать удареніе „великимъ стиховожидательнымъ началомъ“. Отъ того, что ни одинъ стихъ не обойдется безъ удареній, еще далеко до того, что всякій стихъ виждется только на удареніяхъ; греко-латинскій (метрическій) стихъ едва ли кто прочтетъ, не выдвигая на первый планъ ударенія, но и едва ли

кто согласится съ тѣмъ, что его основа и зиждительное начало—удареніе; его основа, которую до сихъ поръ никто не оспаривалъ,—мѣра, достигаемая извѣстнымъ сочетаніемъ долгихъ и короткихъ слоговъ, подобно тому какъ основой стиха силлабическаго, по нашему мнѣнію, служитъ мѣра, достигаемая извѣстною суммою слоговъ; основа стиха дубочнаго — мѣра, достигаемая съ помощью рѣзны въ концѣ стиха, и наконецъ, основой стиха тоническаго (или какъ его называютъ „тонико-метрическаго“) служитъ мѣра же, достигаемая извѣстнымъ сочетаніемъ удареній, замѣняющихъ, въ этомъ случаѣ, долгіе слоги (потому и названіе: „тонико-метрическое“). Вслѣдствіе того зиждительнымъ началомъ всякаго стиха прежде всего является мѣра, достигаемая тѣми средствами, какія находятъ въ своемъ распоряженіи языкъ каждаго самобытнаго народа; въ зависимости отъ этихъ средствъ и находится самобытность каждаго стихосложенія. Удареніе, взятое какъ самостоятельное стихозиждительное начало, въ силу своей общности, даетъ слишкомъ мало простора для проявленія самобытности и, въ противоположность тому, что мы называемъ, въ данномъ случаѣ „мѣрой“,—не отличаетъ стихъ отъ прозы. Называя, что бы то ни было стихозиждительнымъ началомъ, мы должны, какъ кажется, избрать для этого нѣчто уже само собою характеризующее стихъ и не имѣющее мѣста въ примѣненіи къ прозѣ или рѣчи вообще. Характерною чертой стиха, отличающею его отъ прозы, является прежде всего мѣрность рѣчи, но едва ли ударяемость рѣчи или даже „хоть какая-нибудь гармонія удареній рѣчи“. Какая-нибудь гармонія удареній—повторяемъ—нужна и для прозы, различныя цѣли которой вызываютъ различныя интонаціи; такъ рѣчь, выражающая негодованіе, удивленіе, умиленіе и проч., требуетъ каждая своей интонаціи, а это достигается извѣстною гармоніей удареній (потому, вѣроятно, и интонація). Называя удареніе стихозиждительнымъ началомъ, мы какъ бы отнимаемъ его или до нельзя уменьшаемъ его значеніе въ прозѣ, гдѣ оно является такимъ же характернымъ и необходимымъ, какъ и въ стихѣ. Разница въ томъ, что въ стихѣ оно рельефнѣе выдѣляется, правильнѣе повторяется, чѣмъ въ прозѣ; но достаточно ли этого, чтобы считать его краеугольнымъ камнемъ стиха? Въ вопросахъ принципиальныхъ не столько важны явленія, сколько причины, ихъ вызывающія; какаѣ же причины рельефности и извѣстнаго рода правильности удареній въ стихѣ? Эта причина—мѣрность стиха, требующая правильнаго, размѣрнаго произнесенія словъ (а не удареній) въ зависимости отъ мысли, ими вы-

ражаемой; мѣрное произношеніе словъ влечетъ за тобою и мѣрное повтореніе удареній. Руководящимъ началомъ является известная мѣра, вызванная соотвѣтствующимъ чувствомъ; для соблюденія этой мѣры не обойтись, конечно, безъ удареній, какъ не обойтись и безъ словъ; но безъ удареній не обойтись и въ прозѣ; поэтому удареніе является первенствующимъ только для слуха; на самомъ же дѣлѣ, въ стихѣ роль его служебная, всецѣло зависящая отъ мѣры стиха и потому сама въ себѣ ничего объединяющаго, прочнаго и принципиальнаго не заключающая. Въ силу всего сказаннаго, удареніе, какъ кажется, на столько же „начало стихозиждительное“, на сколько оно виждительно для псякой рѣчи, ибо не только стихъ, по ни одного слова не произнести безъ этого виждительнаго начала.

Отвѣчая на поставленный вопросъ о „великомъ стихозиждительномъ началѣ — удареніи“, авторъ общаетъ: „Про ударенье, про стопу, про созвучіе, гдѣ прійдется, намѣренъ я сказать, или вѣрнѣе намекнуть вамъ только то, что до меня, — сколь мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, — или вовсе замѣчено не было, или же иваче, нежели мною понято“ (стр. 29). Опредѣливъ удареніе, какъ „усиленіе въ произнесеніи одного слога надъ прочими“, авторъ говоритъ: „Усиленіе это выражается, какъ мнѣ кажется, столь же въ громкости, сколь и въ продолжительности произнесенія. Слогъ съ удареніемъ слышенъ и дальше и долѣе слога безъ ударенія“. Это, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо, и объ этомъ уже говорилъ намъ г. Шафрановъ: „Въ ударяемыхъ слогахъ протяжность слышна всякому, кромѣ развѣ не желающихъ слышать ее...“¹⁾ и даже какъ намъ кажется, заявлялъ объ этомъ и А. Х. Востоковъ: „Въ немъ (въ русскомъ языкѣ) нѣтъ собственнаго протяженія, не зависящаго отъ выходки (ударенія), а слова получаютъ оное отъ сей послѣдней“²⁾.

Затѣмъ, „пока не прищется лучшихъ“, авторъ предлагаетъ слѣдующія названія для слоговъ: „съ удареніемъ слогъ—звуковой, безъ ударенія—холостой“. „Звуковыхъ слоговъ... два разбора; ибо удареній... два рода: 1) ударенье на слогъ, избранный или предназначенный къ тому, въ словѣ, слоговое ударенье; 2) удареніе на слово

1) О складѣ нар.-русск. пѣсенн. рѣчи: Ж. М. Н. Пр. 1878. Ноябрь, стр. 38

2) Опытъ о русскомъ стихослож., ч. I, стр. 21. Этому мѣста г. Шафрановъ на цитируемой выше страницѣ, кажется, въ расчетъ не принялъ.

или на слова, главныя по смыслу въ рѣчи, смысловое ударенье". Послѣ этого слѣдуетъ заявленіе: „Иѣтъ, кажется, учебника версификаціи, ни русскаго, ни иностраннаго, ни новаго, ни стариннаго, гдѣ бы съ первыхъ же строкъ не заявлялась эта истина о двойственности ударенья и гдѣ бы затѣмъ... не шла рѣчь, такъ или иначе объ удареньи... Но поразительно вотъ что: нѣтъ учебника рѣшительно ни одинаго, гдѣ бы про смысловое ударенье было сказано, ну хоть бы только: отчего объ этомъ удареньи ничего не говорится, кромѣ первыхъ строкъ, гдѣ было заявлено, что-де есть и оно“ (стр. 29, 30).

На сколько намъ извѣстно, Востоковъ посвящаетъ этому смысловому ударенію не только „первыя строки“, но цѣлыхъ почти 10 страницъ (98—107) ¹⁾ и не только заявляетъ о его существованіи, но развиваетъ и основываетъ на немъ все народное стихосложеніе, ставя его во главѣ „прозодическаго періода“. Перевлѣсскій ²⁾ на стр. 45 говоритъ, что русское стихосложеніе основывается „не на удареніи, слышимомъ въ каждомъ отдѣльномъ словѣ, а на томъ логическомъ удареніи, которое мы дѣлаемъ, желая отгѣнить большую важность и значеніе словъ одного передъ другимъ въ составѣ рѣчи...“, и не только заявляетъ объ этомъ „логическомъ“ (смысловомъ) удареніи, но все время о немъ и говоритъ, ибо на немъ все основывается. (стр. 45—48). Упрекъ автора можетъ быть отнесенъ развѣ лишь къ сочиненію Классовскаго ³⁾, гдѣ объ удареніи „стихотворномъ“, то-есть, смысловомъ, какъ выяснилъ это г. Шафрановъ ⁴⁾, говорится, дѣйствительно, очень мало; едина ли вполнѣ можно согласиться съ заявленіемъ автора, что г. Шафрановъ объ этомъ предметѣ говоритъ „мимоходомъ и только отрицательно, отвергая голословно возможность этого ударенья, какъ стихозниждительной силы“ (стр. 30 прим.). Г. Шафрановъ говоритъ объ этомъ въ вѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 44 и сл. 55, 56, 57...) ⁵⁾ и высказываетъ соображенія, о которыхъ едва ли достаточно сказать: „голословно“; кажется, слѣдовало бы о нихъ поговорить.

Тѣмъ не менѣе, авторъ влагаетъ въ уста возражателя слѣдующія слова: „Зачѣмъ теоретикамъ стихосложенія говорить о томъ, что

¹⁾ Опытъ о русск. стихосложеніи.

²⁾ Русское стихосложеніе. С.-Пб. 1853.

³⁾ Версификація. С.-Пб. 1863.

⁴⁾ *Ж. М. Н. Пр.*, ноябрь 1878 г., стр. 55 и сл.

⁵⁾ Тамъ же.

ровно ни при чемъ въ стихотворной практикѣ?“ (стр. 30). Въ отвѣтъ на это мы въ правѣ ожидать отъ автора обстоятельнаго разъясненія и доказательствъ не только того, что смысловое удареніе въ стихѣ играетъ роль, но и того, что эта роль самая главная. Эти ожиданія должны себѣ найти удовлетвореніе въ слѣдующихъ строкахъ автора: „Но вѣдь коли ужъ вообще въ рѣчи человѣческой смысловыя ударенія есть; а стихъ музыкально-гармонизированная, но, затѣмъ, тоже вѣдь рѣчь человѣческая, значить и со смысловыми удареніями; спрашивается: какъ же можетъ то, что въ словахъ стиха есть, быть ни при чемъ въ гармоніи стиха? Какъ можетъ не приниматься въ расчетъ смысловое удареніе? Да вѣдь при чемъ смысловое удареніе въ рѣчи-то? Случайность оно тутъ что-ли... вообще нѣчто такое, что, при случаѣ, въ видѣ исключенія, позволительно стиху допустить въ число своихъ слоговъ или стопъ, но чего никогда не можетъ стихъ воспринять въ себя, не насилуя.. тѣмъ своей гармоніи? Но вѣдь нѣтъ; смысловое удареніе не случайность въ рѣчи...“ (стр. 30, 31). Это и все, ибо дальше (стр. 31—45) авторъ говоритъ уже о смысловомъ удареніи въ рѣчи вообще и даже особенно налегая на рѣчь прозаическую.

Итакъ, смысловое удареніе не можетъ быть не при чемъ въ гармоніи стиха, такъ какъ оно есть въ словахъ стиха. Но вѣдь и въ словахъ всякой рѣчи, даже самой прозаической, есть смысловое удареніе, значить, и въ гармоніи всякой рѣчи оно играетъ роль; ибо, если мы будемъ нарушать смысловое удареніе въ прозѣ, при чтеніи даже „любой публикаціи въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ (стр. 34), то будемъ читать „не какъ должно“, „моногошно“, то-есть, лишимъ эту рѣчь всякой гармоніи. Если такъ, то о роли смысловаго ударенія въ стихѣ сказано нисколько не больше того, что можно сказать о роли его въ рѣчи вообще.

Здѣсь нужно нѣсколько остановиться. Въ отвѣтъ на только что сказанное авторъ могъ бы возразить: допустимъ, что всякая рѣчь требуетъ гармоніи, но вѣдь стихъ требуетъ музыкальной гармоніи, это уже ставитъ его въ особыя условія, вѣдь стихъ есть „музыкально-гармонизированная рѣчь человѣческая“ (стр. 30). Такое опредѣленіе стиха является у автора здѣсь впервые: на стр. 1 мы видѣли: стихъ есть „сочетаніе словъ логическое и вмѣстѣ музыкальное“ („логико-музыкальное“, стр. 2); на стр. 24 находимъ: „нѣтъ стиха внѣ гармоніи удареній. Я не говорю: полной гармоніи, но внѣ хоть какой-нибудь“, то-есть, стихъ является рѣчью такъ или иначе гармо-

низированною съ помощью удареній; очевидно, что эта гармонія и должна была составлять музыкальный элементъ стиха. На сколько „гармонія удареній“ можетъ служить характернымъ признакомъ стиха, мы уже видѣли раньше; но быть можетъ, такая гармонія вполне удовлетворяетъ тому музыкальному элементу, который находитъ въ стихѣ авторъ; вотъ его опредѣленіе логическаго и музыкальнаго элементовъ: „Напишите какой-нибудь полносмысленный и, по какимъ бы то ни было правиламъ, вѣрный стихъ и начертите его схему, наприимѣръ:

Бура мглою небо кроетъ.

— () — () — () — ()

„Что у васъ тутъ написано, то, по моему, элементъ логическій; что начертано—то музыкальный“ (стр. 1, прим.).

Итакъ, текстъ стиха есть его логическій элементъ, опредѣленное произношеніе—элементъ музыкальный. Нельзя не признать, что опредѣленіе музыкальнаго элемента черезъ чуръ уже обще и ровно ничего не говоритъ о самомъ главномъ—о музыкальности; между тѣмъ, въ виду разногласій по этому предмету, о которыхъ заявляетъ и самъ авторъ, было бы желательно узнать и его мнѣніе. Подъ такое опредѣленіе подойдетъ, конечно, и его „гармонія удареній“, но на сколько она будетъ свидѣтельствовать о музыкальности стиха—это вопросъ, котораго авторъ и не касается, хотя называетъ стихъ рѣчью „музыкально-гармонизированною“. По нашему мнѣнію, характеристикой музыкальнаго элемента стиха должно служить поступательное движеніе разнообразныхъ сочетаній звуковъ, представляемыхъ текстомъ, движеніе, раздѣленное на періоды, равные между собою по времени произношенія. При такомъ опредѣленіи окажется недостаточною „гармонія удареній“; потребуется рѣчь особо гармонизированная, въ зависимости отъ общей мѣры, которая подраздѣлитъ стихъ на равные періоды; ударенія, разумѣется, тутъ будутъ играть роль, но далеко не самостоятельную, а лишь какъ орудія для достиженія музыкальной мѣры стиха; только такая рѣчь и будетъ существенно отличаться отъ рѣчи прозаической—рѣчь, дѣйствительно „музыкально-гармонизированная“, какъ и называетъ ее авторъ на стр. 30, хотя и не понятно въ какомъ собственно, смыслѣ употребляетъ онъ это выраженіе.

Итакъ, о роли смысловаго ударенія въ рѣчи, собственно, стихотворной пока только нѣсколько строкъ; далѣе, какъ и естественно ожидать изъ всего нами до сихъ поръ сказаннаго, главные сужденія

автора сосредоточиваются не на стихотворной рѣчи, а на рѣчи вообще (стр. 31—45). Сужденія эти свидѣтельствуютъ о большой наблюдательности автора, которая видна въ разработкѣ деталей смысловаго ударенія, хотя главные выводы и не представляютъ большой новизны. „Тройственность“ звуковаго количества (слогъ холостой, малый звуковой и большой звуковой—стр. 37) засвидѣтельствована уже Востоковымъ: „Русское же слогуудареніе имѣетъ только два перехода, высокой и низкой—разумѣется, въ отдѣльныхъ словахъ, ибо въ дѣльныхъ періодахъ или совокупленіяхъ словъ способенъ и Русскій языкъ къ такому же троякому переводу голоса, какъ сіе покажемъ далѣе“¹⁾. Въ этихъ изысканіяхъ авторъ возвращается къ стиху только однажды, на стр. 36, говоря о рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ у народныхъ пѣвцовъ „развода удареній смысловаго со слоговымъ“.

На стр. 45 авторъ такъ заканчиваетъ изысканія о смысловомъ удареніи: „Итакъ, правда ваша: разная бываетъ сила смысловаго ударенія; но вѣдъ и слогового тоже, и тоже слога самого по себѣ, а слѣдовательно, правда и моя: слоговыхъ разборовъ все таки три; какъ дерево, кустъ и трава неодинаковые, каждый разборъ самъ въ себѣ, и все таки же явно различные между собой. Пусть даже бываетъ трава выше инаго куста и кустъ выше инаго дерева, но слѣдуетъ ли изъ этого, что, разводя садъ, не стоитъ разбирать, можно или даже разумно мѣшать въ одну крошню сѣмена газона, кустарника и деревьевъ? Нѣтъ, все-таки же должно ихъ сѣять группируя, гармонизируя другъ къ дружкѣ дерево, кустъ и луговину“.

Послѣ 14 страницъ, на которыхъ говорилось о рѣчи вообще и о стихотворной рѣчи напоминалось только былинными стихами, приводимыми въ качествѣ примѣровъ, на ряду съ прозаическими, можно думать, что и эти заключительныя слова относятся къ рѣчи вообще, а не къ стихотворной, что и было бы весьма естественно; тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что авторъ относитъ ихъ именно къ стиху; основанія эти кроются, по видимому, въ словахъ „гармонизируя другъ къ дружкѣ“: очевидно, здѣсь та самая „гармонія удареній“, видъ которой „нѣтъ стиха“. Стало быть, упоминаемый здѣсь „садъ“ есть, собственно, стихъ; если это такъ, то почему же „гармонизированіе“ слоговъ „холостыхъ“ и „звуковыхъ малыхъ и большихъ“ является исключительною привилегіей стиха? Мы полагаемъ, что и въ прозѣ неразумно „мѣшать“, какъ говоритъ авторъ „въ одну крошню

¹⁾ Опытъ о русск. стихослож., стр. 96.

сѣмена газона, кустарника и деревьевъ", то-есть,—ничѣмъ не руководясь и какъ попало воспроизводить эту слоговую тройственность; вѣдь и изъ прозы тогда получится не рѣчь, а дѣйствительно „крошя“, возможная и извинительная развѣ лишь въ устахъ иностранца, дурно владѣющаго даннымъ языкомъ. Если же мы не такъ поняли автора, и „гармонизировать“ слоги нужно во всякой рѣчи, то спрашивается: при чемъ же „гармонія удареній“, какъ краеугольная основа стиха?

Въ непосредственно слѣдующихъ за этимъ строкахъ авторъ уже явно говоритъ о стихѣ: „Силлабисту-стихотворцу слоги, кромѣ риемовыхъ, всѣ тринь-трава; тонистъ-стихотворецъ поднимается тоже не выше куста: одинъ соловьемъ съ дубовъ заливается русскій народный стихъ. Основа русскаго стиха смысловое ударенье“...

Основываясь на всемъ предыдущемъ, мы эти заявленія не можемъ не считать за голословныя и ни откуда не вытекающія; опять является вопросъ: почему же основа русскаго стиха—именно ударенье, и почему смысловое? Все, что говорилъ авторъ до сихъ поръ о томъ и о другомъ, относилось всецѣло къ рѣчи вообще, стихъ же по неволѣ входилъ сюда только потому, что и онъ „тоже вѣдь рѣчь человѣческая“. Гдѣ же доказательства автора въ пользу исключительныхъ правъ стиха на удареніе, и въ частности, русскаго стиха—на смысловое удареніе? Это остается вопросомъ не рѣшеннымъ, ибо доказать, что смысловыя ударенія въ стихѣ есть,—еще не значитъ доказать, что онѣ—его краеугольная основа, и доказать, что онѣ при томъ же въ стихѣ, при чемъ въ рѣчи вообще, еще не значитъ—доказать, что стихъ зиждется только на нихъ. Это даетъ намъ право сказать, что рѣшительное заявленіе автора: „основа русскаго стиха смысловое ударенье“—ничѣмъ пока не оправдано.

Тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ возможнымъ развивать свое основоположеніе: „Создавая схему народъ прежде всего опредѣляетъ въ ней мѣста этому большому ударенью; наиримѣръ, изъ 13 мѣстъ былинной схемы мѣста 3-е, 7-е и 11-е, иначе сказать: 3-е съ начала, 3-е съ конца и срединное изъ всѣхъ.“

Не хочу служить невѣрному тебѣ дарю.

Единъ вѣдь всѣ у Бога люди созданы.

„По этимъ удареніямъ отбиваются стопы русскаго стиха; стопа зиждется смысловымъ удареніемъ“ (стр. 45—46).

Далѣе слѣдуетъ ученіе о стопахъ. Основываясь на томъ, что „смысловое удареніе невозможно внѣ смысла“, авторъ доказываетъ,

что стопомъ должна служить „связь словъ, или же и одно слово, но полносмысленное“; это поясняется анализомъ одного изъ приведенныхъ выше примѣровъ:

Не хочу служить невѣрному тебѣ царю.

Что касается до этого примѣра, то постановка въ немъ смысловыхъ удареній, указанныхъ авторомъ, имѣетъ свое основаніе, хотя изъ поясненій, дѣлаемыхъ авторомъ, этого еще не видно; такъ, необходимость смысловаго ударенія на словѣ „невѣрному“ должна находить себѣ оправданіе въ слѣдующихъ словахъ автора, въ связи съ предыдущею стопой: „не хочешь служить, кому? Невѣрному (одно, во въ данномъ разѣ полносмысленное слово)“. Едва ли довольно поставить вопросъ „кому“, для того, чтобъ отвѣтъ на него считать уже полносмысленнымъ словомъ; автору слѣдовало бы, кажется, поподробнѣе остановиться тутъ же на этомъ обстоятельстве и выяснить, почему это слово „въ данномъ разѣ полносмысленное“, то-есть, „главное по смыслу въ рѣчи“ (стр. 29); еслибъ авторъ, напримѣръ, пояснилъ, что въ словѣ „невѣрному“ заключается и одна изъ существенныхъ причинъ, по которой „не хочу служить“, и что слово это, кромѣ отвѣта на вопросъ „кому“, заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ „почему“, тогда, дѣйствительно, выступила бы его многозначительность въ данномъ случаѣ, и оправдана была бы постановка на немъ смысловаго ударенія. Точно также не выясняется, почему слово „тебѣ“ должно быть главнымъ по смыслу въ рѣчи и слова: „тебѣ, царю“ — составить стопу; въ оправданіе этого авторъ говоритъ только: „кому невѣрному? тебѣ, царю“.

Въ этихъ поясненіяхъ автора, волей-неволей, приходится видѣть приемы и руководящія указанія для построенія стопъ, а между тѣмъ, нельзя не признать, что приемы эти слишкомъ ужъ общи и не выдвигаютъ на первый планъ „полносмысленности“, то-есть, главнаго основанія для стопъ, предлагаемыхъ авторомъ; руководясь этими же приемами, кто-нибудь могъ бы сказать автору, что приведенный имъ стихъ не подходитъ подъ данную схему, такъ какъ въ немъ, кромѣ указанныхъ трехъ смысловыхъ удареній, должно быть еще четвертое, и именно „царю“, — кому же тебѣ? царю, — слово въ этомъ случаѣ полносмысленное... ¹⁾.

¹⁾ Не можемъ не высказать здѣсь сожалѣнія, что авторъ не указалъ, откуда взять хотя бы этотъ, разбираемый имъ въ видѣ образца, стихъ; въ бы-

Что касается до второго образца:

Едины вѣдь всѣ у Бога люди созданы,—

то тутъ возникаетъ вопросъ: почему этотъ стихъ долженъ подходить подъ схему автора, почему именно 7-й слогъ долженъ обогласиться смысловымъ удареніемъ и „у Бога“ должно составить вторую стопу? Намъ казалось бы, что слово всѣ заслуживаетъ большаго восподъема, чѣмъ у Бога, такъ какъ въ немъ сосредоточена главная сила аргумента старосты противъ „спѣси“ и „суровства“ судьи, который чиномъ своимъ „возвышается“ и на крестьянъ съ кулаками насккиваетъ:

Едины да ¹⁾ всѣ у Бога люди созданы, стало быть и ты, судья, такое же созданіе Божіе; это всѣ по смыслу противопоставляется здѣсь одному, захотѣвшему возвыситься, и потому оно не можетъ остаться не отмѣченнымъ смысловымъ удареніемъ.

При дальнѣйшемъ развитіи ученія о стопахъ авторъ устанавливаетъ, что части русскаго стиха нельзя пригонять „въ неподвижно-предвзятую стопу“, что „сдержавая русскаго стиха: усановленныя, неподвижно установленныя данною схемою, мѣста смысловыхъ удареній (въ былинномъ стихѣ 3-е, 7-е и 11-е); но что затѣмъ стопа растяжима, имѣетъ свои *minim* и *maxim*, которыя и нетрудно угадать“, а именно: *minim* для 1-й и 3-й стопы—3 слога, для 2-й 1 слогъ; *maxim* для 1-й и 3-й—6 слоговъ, для 2-й—7 слоговъ (стр. 47). Относительно малыхъ звуковыхъ и холостыхъ слоговъ авторъ выводитъ (на стр. 48) слѣдующій законъ: „слога, дальшіе отъ стержневого слога стопы, то-есть, отъ смыслового ударенія должны быть больше слоговъ ближнихъ къ стержневому, или же равны имъ, такъ что въ концѣ стопы нельзя замѣнять ямбъ хореемъ, и на оборотъ, въ началѣ стопы нельзя замѣнять хорей ямбомъ; спондеи же и пиррихи одинаково законны, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стопы“.

Заключаетъ свое построеніе авторъ слѣдующими словами: „При растяжимости стопъ....., при возможности около стержневого быть

лишь Рябинина «Илья Муромецъ и Калинъ царь» этотъ стихъ передается такъ: «Не буду служить тобѣ собака цѣрю Калину» (*Гильбердинъ* стр. 455). При просмотрѣ девяти ММ этой былинны у другихъ пѣнцовъ сборника *Гильбердинъ*, стиха этого мы не нашли. Можетъ быть, онъ взятъ изъ другой былинны, хотя въ выноскѣ у автора сказано: «говорить Илья некрѣпкому цѣрю Калину». Не знаемъ, мы ли ошиблись при просмотрѣ былинъ, или авторъ при передачѣ стиха.

¹⁾ У *Вирсова* вѣдето «вѣдь» — «да».

то хореш, то ямбу....; при большой независимости одной стопы отъ другихъ.... при такомъ, говорю, разнообразіи понятно, что русскій стихъ... не нуждается въ риѣмѣ.... Наконецъ, въ отношеніи стиха къ стиху явно, что при смысловой цѣлости каждой стопы, а всего стиха ужъ и подавно, не возможна разброска логически-сопринадлежащихъ словъ изъ одного стиха въ другой. У силлабиста и у тониста: какъ, пожалуй, что ни стопа, такъ, пожалуй, и что ни стихъ то ложка крошки.... У русскаго народа: пѣсня что вѣнокъ, стихъ что цвѣтокъ, стопа что лепестокъ; все и каждое по своему цѣльно. Но все это явно-то явно, а надо и доказать" (стр. 49—50). Эти доказательства изложены авторомъ въ третьей главѣ его изслѣдованія, къ которой мы и должны перейти.

●. Источники.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАКОНЫ ОТИХА РУССКАГО НАРОДНАГО И НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО. Исслѣдованіе П. Д. Голохвостова. С.-Петербургъ, 1883. (Изданіе Общества любителей древней письменности) ¹⁾.

Доказательства, представляемыя авторомъ въ пользу тѣхъ положеній, которыя изложены имъ во второй главѣ разбираемаго исслѣдованія, распадаются на три отдѣла; въ первомъ авторъ путемъ эмпирическимъ, то-есть, подборомъ примѣровъ убѣждаетъ въ томъ, что „смысловныя ударенія имѣютъ въ русскомъ стихѣ опредѣленныя мѣста въ былинной схемѣ 3-е, 7-е и 11-е“ (стр. 63); второй и третій отдѣлы представляютъ доказательства „пслучайности“ соблюденія этого закона, и именпо, сознательной постановки удареній на этихъ мѣстахъ (стр. 68)—во-первыхъ, и во-вторыхъ, сознательнаго подбора смысловыхъ словъ подъ эти три ударенія (стр. 69).

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ, гдѣ, на стр. 140, вкралась ошибка вмѣсто *Пушкинъ*, должно быть *Жуковский*.

Прежде чѣмъ говорить о случайности или неслучайности соблюденія этого закона, поговоримъ о самомъ соблюденіи: „Правда ли, что въ каждомъ стихѣ былинной 13-сложной схемы непремѣнно 3-й, 7-й и 11-й слоги суть звуковые словъ главныхъ по смыслу въ рѣчи“ (стр. 50). Послѣдуемъ за примѣрами, приведенными авторомъ (стр. 51).

Ты за что же посаженъ да былъ во погребы?
 Я пожесталъ нынѣ тобой да молодой женой,
 Что ты ~~всма~~ князей-боляръ теперь пошманишь,
 Что-ли солнышка Владимира съ ума сведешь
 А пождимъ, Василиста дочь Никулична.

Всѣ примѣры авторъ предлагаетъ читать, „сильно ударяя на подчеркнутые слоги 3-й, 7-й и 11-й.“ Возьмемъ первый стихъ; намъ кажется, что посаженъ здѣсь восподнято совершенно напрасно; въ томъ, что онъ былъ посаженъ, ничего собственно удивительнаго нѣтъ, особенно въ связи съ во погребы; ничего новаго въ стихъ этимъ словомъ не привносится; вѣдь Василистъ Никуличнѣ давно извѣстно, что онъ посаженъ былъ во погребы, настаивать на этомъ съ особеннымъ усиленіемъ ей уже нѣтъ надобности; вся сила заключается тутъ въ вопросительномъ: за что же?

Ты за ~~что~~-же посаженъ да былъ во погребы?

Мы считали бы совершенно достаточнымъ оставить здѣсь два смысловыя ударенія, не видя для третьяго, серединнаго, никакого другаго основанія, кромѣ того, что оно приходится на 7-й слогъ; но припомнимъ, что вѣдь это примѣръ, приводимый для доказательства предлагаемаго закона, а не для построенія стиха по этому закону, будто бы уже доказанному. Къ тому же, едва ли безъ нарушенія полнаго смысла можно выдѣлить посаженъ да былъ въ особую стопу; полносмысленность эти слова получаютъ лишь въ соединеніи или съ за что же, или съ во погребы; точно также полносмысленность 1-й стопы—ты за что же безъ второй—сомнительна. Конечно, и въ такихъ стопахъ нельзя отрицать смысла, но смыслъ этотъ обыкновенный и не заключаетъ въ себѣ ничего достойнаго особеннаго восподъема.

Ничего не имѣемъ противъ постановки удареній во второмъ стихѣ, но третій опять возбуждаетъ сомнѣнія:

Что ты ~~всма~~ князей-боляръ теперь пошманишь.

Почему 7-й слогъ бояръ восподнять? Ужь если отгнать, такъ скорѣе слѣдовало бы этого ожидать на словѣ князей, ибо князья

важнѣе; ужь если князей обманеть (повыманить), такъ бояръ и по-давно; намъ кажется, что авторъ напрасно соединилъ князей и бояръ въ одно слово, поставивъ черту; у Гильфердинга ея нѣтъ, и не видно основанія для того, чтобы принимать эти два слова за одно риторическое; можно смѣло допустить на пиру у Владиміра стольно-Кіевскаго присутствіе, вмѣстѣ съ боярами, и другихъ князей; на это самостоятельное существованіе и князей, и бояръ указываютъ и нѣкоторые стихи:

Вся князи да бояра нуь повыманены. Гильф. стр. 74.

А вси князи тутъ бояра привадумались. стр. 68.

Самому князю Владиміру въ особину

Вснмъ его князямъ онъ подколмннмимъ, стр. 522.

По нашему мнѣнію, разбираемый стихъ было бы правильнѣе прочесть такъ:

Что ты *вснмъ* князѣй бояръ теперъ *повыманншъ*.

Въ четвертомъ стихѣ излишнимъ считаемъ восподѣмъ на Солнышка; не довольно ли будетъ отгѣнить здѣсь только Владиміра, въ отличіе отъ всѣхъ (другихъ) князей съ боярами и, соотвѣтственно съ этимъ — съ ума сведешъ, въ отличіе отъ повыманншъ. Въ послѣднемъ стихѣ опять не видно необходимости восподнмать Василисту; въ этомъ имени, собственно для Ставра ничего особеннаго не заключается, оно для Ставра привычно; другое дѣло — отгѣнить Никулична; это величаніе по отечеству и восподнать его естественно.

Итакъ, приведенные примѣры для насъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Ты за что же посаженъ да былъ во погребы?

Я похвасталъ нуь тобѣй да молодѣй женой,

Что ты вснхъ князѣй бояръ теперъ повыманншъ

Что ли Солнышко Владиміра съ ума сведешъ.

А поѣдимъ Василиста дочь Никулична...

Конечно, для правильнаго, гармоничнаго чтенія далеко недостаточно удареній, выставленныхъ здѣсь; нужна еще музыкальность, которая достигается другимъ путемъ; но о немъ пока говорить здѣсь не будемъ.

Примѣровъ у автора приведено около сотни стиховъ; про нихъ на стр. 63 говорится: „Итакъ, приведенные мною въ доказательство того, что смысловыя ударенія имѣютъ въ русскомъ стихѣ опредѣ-

ленные мѣста, въ былинной схемѣ 3-е, 7-е и 11-е—выдались, можно сказать, всѣ удачные. Удачные тутъ значить убѣдительные, на сколько, конечно, такіа эмпирическія доказательства могутъ быть убѣдительны“. Мы разсмотрѣли нѣсколько примѣровъ; нѣтъ, конечно, возможности анализировать всю сотню; мы ограничимся поэтому указаніемъ еще лишь на нѣкоторые изъ числа возбуждающихъ въ насъ сомнѣніе относительно указанной постановки удареній.

Не поѣдемъ больше ко граду ко Киеву
 Да ко ласковому князю ко Владиміру
 А удимъ ми во землю Ляховицкую
 Говорила Василеста дочь Никулична;
 А не честь-хвала тебѣ-ка добру молодцу
 Тебѣ соровски изъ Киева умхати.

Здѣсь мы остановимся на второмъ стихѣ: для чего и почему восподнято слово князю? Ни рѣчь всего отрывка, ни смыслъ этого стиха не вызываютъ и не оправдываютъ этого восподъема; въ связи съ этимъ невидны и основанія для того, чтобы слово князю считать стопомъ; полносмысленность это слово приобретаетъ лишь вмѣстѣ со словомъ ласковому, а потому мы и прочитали бы:

Да ко ласковому князю ко Владиміру.

Роль здѣсь слова князю на столько, такъ-сказать, обыденна, что даже съ потерей этого слова смыслъ стиха не нарушился бы:

Да ко ласковому ко Владиміру.

Гдѣ же основаніе для того, чтобы считать его словомъ главнымъ по смыслу въ рѣчи? Въ слѣдующемъ стихѣ не видно основанія для восподъема во землю, которое едва ли можетъ составить полносмысленную стопу безъ присоединенія Ляховицкую.

На стр. 52 отмѣтимъ стихъ:

Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.

Едва ли можетъ остаться не восподнятымъ слово его; въ этомъ словѣ, въ связи съ предыдущимъ, большое смысловое значеніе, и Дюкову-то является къ нему только добавочнымъ; не отмѣченное удареніемъ это слово совершенно теряетъ свой смыслъ, и становится непонятнымъ, къ чему его отнести: къ перьце или къ Дюкову-то; между тѣмъ тутъ ясно видно намѣреніе отмѣнить это слово: онъ же убилъ, да къ его же батюшку взять въ подарочекъ; по нашему мнѣнію, было бы правильнѣе:

И привозятъ это перъеце орлиное
Евѣ Дюкову-то бѣтюшку въ подарочкахъ.

Это желаніе отгвѣнить его проявляется въ стихѣ, напримѣръ,
Касьянова:

Ко *еѣ* ли ко Дюкову бѣтюшко. Гильф. стр. 818.

На стр. 53 сомнѣніе возбуждаетъ стихъ:

Намъ *второму* съ Чурилой *головѣ*—рубить.

Постановка смыслового ударенія на словѣ Чурилой, кажется, можетъ нарушить настоящій смыслъ стиха; выходитъ, какъ будто Чурила тутъ является третьимъ лицомъ, и спрашивается, который изъ насъ (а ужъ не которому изъ насъ) долженъ рубить (кому-то) голову—съ Чурилой, который—безъ Чурилы; между тѣмъ какъ вопросъ заключается въ словахъ: *какому* изъ насъ (двоихъ) съ Чурилой; съ Чурилой тутъ самостоятельнаго значенія не имѣетъ и не можетъ быть отдѣлено отъ слова намъ, а потому и отдѣльной полносмысленной стоны не составитъ; помимо этого, отгвѣнять слово Чурилой совершенно не зачѣмъ: намъ, такъ ужъ, разумѣется, съ Чурилой; спорщиковъ только и было двое: Дюкъ да Чурила. Поэтому считаемъ болѣе правильнымъ читать такъ:

Намъ *какому* съ Чурилой *головѣ* рубить.

На стр. 54:

Ай *да*ваетъ онъ *поѣзду* лучше стараго,
Лучше стараго *поѣзду* лучше прежняго,
Ѣдетъ прямо онъ *ко городу* ко Кіеву
А не около *ѣде* *ѣде* не воротами
Ѣде прямо *черезъ стѣну* городовую
Черезъ тую *ѣде* башню, что ни большую.

Во второмъ стихѣ совершенно излишнимъ находимъ придавать усиленное значеніе слову *поѣзду*; точно также *ко городу*, кажется, восподнято напрасно; какъ будто, кромѣ города, есть еще какой-нибудь Кіевъ; въ слѣдующемъ стихѣ слово *ѣде* признано главнымъ по смыслу едва ли основательно; тутъ ужъ рѣчь не о томъ, что *ѣде*, а лишь о томъ, что не около, не воротами—ихъ и достаточно восподнять; мы предложили бы такое чтеніе:

Ай *да*ваетъ онъ *поѣзду* лучше стараго,
Лучше стараго *поѣзду* лучше прежняго,
Ѣдетъ прямо онъ *ко городу* ко Кіеву,
А не около *ѣде* *ѣде* не воротами...

Въ слѣдующемъ отрывкѣ въ четырехъ стихахъ восподнато слово Добрыня; не видно для этого основанія; по нашему мнѣнiю, правильнѣе и благозвучнѣе было бы безъ этого ударенiя:

Закручѣнiа Добрыня запечѣнiа
 Ая скочѣтъ то тутъ Добрыня на рѣзвыя ноги
 А в топлуль то Добрыня во дубовой мостъ:

На стр. 55:

Да и изла то Ивана за желты кудри
 Да стацила то съ Коцея со безсмертнаго
 Да и доее одною да приобдожми
 Да связали у Ивана ручки бѣлыя
 Да сковали у Ивана пожки рѣзвыя...

Въ первомъ стихѣ ударенiе на словѣ Ивана имѣеть полное основанiе, ибо Настасѣ Митрiевнѣ предстоялъ выборъ между имъ и Коцеємъ; она предпочла Коцея, и это естественно отбѣнiтъ; но въ послѣднихъ двухъ стихахъ уже не предвидится надобности для постановки усиленнаго ударенiя на этомъ словѣ.

На стр. 55—59 авторъ дѣлаеть прекрасныя указанiя относительно постановки ударенiя при склоненiи такихъ словъ, какъ: чисто-поле, темнѣ-лѣса, бѣлы-снѣга, и т. д. при чемъ оказывается, что „ударенiе въ такихъ словахъ бываетъ всегда на послѣднемъ слогѣ прилагательнаго, пока въ существительномъ не болѣе и не менѣе двухъ слоговъ. Съ измѣненiемъ этой нормы передвигается ударенiе. Въ первомъ случаѣ... передвигается... на первый слогъ существительнаго, напримѣръ: ясна сокола. Во второмъ случаѣ ударенiе останется на томъ же самомъ слогѣ прилагательнаго, но слогъ этотъ сдѣлается ужь предпослѣднимъ, ибо окончанiе прилагательнаго удлинится... напримѣръ: быстрыихъ рѣкъ. Когда же... въ существительномъ и прилагательномъ, вмѣстѣ взятыхъ, станутъ слоговъ болѣе пяти, тогда слово распадается уже на два слова, напримѣръ: желтыми песками...“ (стр. 57—58).

Авторъ добавляетъ къ этому, что „по народному понятiю эпитетъ логически важнѣе самаго предмета... и потому онъ всѣми возможными способами старается избѣгать обеззвученiя эпитета“ (стр. 58). Это все, очевидно, касается не только былинны или повѣи народной, но народной рѣчи вообще; но вотъ и примѣненiе этого къ доказываемому закону: „Эпитетъ считается въ смысловомъ отношенiи важнѣе предмета, почему тамъ, гдѣ сливается съ предметомъ, и долженъ эпитетъ попадать своимъ звуковымъ слогомъ на мѣста или 3-е или 7-е или 11-е. Всего чаще попадаетъ эпитетовое смысловое ударенiе на

11-е мѣсто, не потому чтобы законъ таковъ былъ, а только потому что таковъ вообще строй русской рѣчи, эпической, по крайней мѣрѣ^а (стр. 59). Совершенно соглашаемся съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ автора, именно „потому, что таковъ вообще строй русской рѣчи“, и не только эпической; но вѣдь въ такомъ случаѣ 11-й слогъ не при чемъ, придется сказать—вообще 3-й слогъ съ конца, ибо не только строй русской рѣчи, но даже и эпическая рѣчь далеко не характеризуются исключительно 13-ти слоговымъ составомъ; 3-й слогъ вѣрнѣе было бы разумѣть—не съ конца стиха, а съ конца рѣченія; онъ можетъ прійтись въ серединѣ стиха, какъ это видно на слѣдующихъ примѣрахъ:

Привѣжалъ Добрыня изъ чиста поля Гильф. стр. 470.

(стихъ 11-ти слогный).

Ты на добромъ конѣ въ чистѣ полѣ повѣживашь¹⁾.

Продолжимъ разсмотрѣніе примѣровъ, приводимыхъ авторомъ послѣ этого отступленія: на стр. 59:

Они ѣхали раздольемъ чистымъ полемъ
Они день ѣдутъ по красному по солнышку
Они ночь ѣдутъ по сѣтлому по мясяцѣ

Во второмъ и третьемъ стихѣ, сверхъ отмѣченныхъ трехъ удареній, считаемъ нужнымъ добавить еще 4-е и именно восподнять слово ѣдутъ; оно имѣетъ особое значеніе, указывая не только на то, что они ѣдутъ, но и на то еще, что они долго ѣдутъ; это видно изъ слѣдующаго стиха:

Ускоряютъ то дороженьку чистымъ полемъ

Но восподнять дѣнь и потомъ ѣдутъ, то-есть, два слога къ ряду, было бы не благозвучно, поэтому и восподнимается ѣдѣтъ—въ обоихъ стихахъ, какъ это и отмѣчено Гильфердингомъ на стр. 513, хотя авторъ, строго соблюдая вездѣ такіа отмѣтки Гильфердинга, на этотъ разъ не счелъ нужнымъ воспроизвести ихъ. Такое восподнатіе этого слова, въ аналогичномъ случаѣ,—явленіе не единичное; оно встрѣчается у того же Рябинина въ другой былинѣ; такъ въ былинѣ „Добрыня и змѣй“ читаемъ:

¹⁾ Ударенія выставлены Гильфердингомъ, стр. 470.

Еще день за день какъ быдто дождь дождить,
 Да ѿ недѣли за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ:
 То онъ день *идѣтъ*, по красному по солнышку,
 Да онъ въ ночь *идѣтъ* по свѣтлому по мѣсяцу ¹⁾

На стр. 60:

Хоть то *былъ* я во раздолыцѣ чпстомъ погѣ
 Да ѿ не *смылъ* я къ поленичищу подѣхати
 А ѿ не *могъ* я у ней *силушекъ* отвѣдати

Въ послѣднемъ стихѣ не мѣшало бы прибавить 4-е удареніе и восподнять слово у ней, и въ частности у; этому предлогу надо приписать здѣсь особое значеніе, именно—мѣстное; по нашему мнѣнію, богатырь говоритъ здѣсь не о ея силушкѣ, а какъ и прилично богатырю, о своей силушкѣ, которой не могъ онъ отвѣдать у ней, то-есть, около ея, сражаясь съ нею; такое особое, не совѣмъ обыденное значеніе этого у и должно быть отмѣчено усиленнымъ удареніемъ; такимъ путемъ стихъ сохраняетъ за собою, такъ-сказать, духъ рѣчи богатырской, и съ него снимается обыденщина, связанная съ постановкою только трехъ указанныхъ удареній. Такое толкованіе находятъ себѣ поддержку и въ томъ, что Гильфердингъ, какъ оказывается, отмѣтилъ это у особымъ удареніемъ (стр. 461), котораго, однакожь, авторъ опять-таки не воспроизвелъ. Переносъ ударенія съ надежа на управляющій имъ предлогъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этому предлогу хотятъ придать болѣе усиленное значеніе — явленіе не рѣдкое не только въ поэзіи, но и въ прозѣ народной ²⁾.

Далѣе приводятся примѣры изъ молодецкихъ былинъ, чтобы показать, „что и тутъ стихъ тотъ же“ (стр. 60).

¹⁾ Ударенія выставлены Гильфердингомъ, стр. 471.

²⁾ Во время наблюденій надъ языкомъ Архангельской губерніи, мнѣ пришлось, между прочимъ въ дер. Андозеро, Онежскаго уѣзда, услышать выраженіе: *подлѣрку* или *возлѣрку*, сдѣлавшееся нарѣчіемъ въ устахъ мѣстныхъ рыбаковъ — обитателей этой деревни, расположенной на берегу большого озера, изъ котораго беретъ начало рѣка Анда; *рѣрку* слилось съ предлогомъ вслѣдствіе обеззвученія, явившагся результатомъ перенесенія ударенія на предлогъ, которому придается болѣе важное значеніе, нежели *рѣрку*. На вопросъ о мѣстѣ ловли, въ числѣ прочихъ указаній, приходится слышать и приведенное выше, при чемъ не столько обращается вниманіе на *рѣрку*, вслѣдствіе видимую и извѣстную, сколько на болѣе точное обозначеніе мѣста — именно *подлѣ*, а не въ самой *рѣкѣ*, напримѣръ, гдѣ также ловятъ и не противъ *рѣки*, въ другомъ концѣ озера.

Изъ былинъ Рябинина:

То идетъ она съ крестьянской со работушки,
 Во правой рукѣ несетъ-то косу острую
 Во лѣвой рукѣ несетъ-то грабли частыя,
 На плечахъ бѣдна горюшица дрова несетъ.
 Приходила-то къ худю въ малой шижинкѣ;
 Говорилъ-то ей дородный добрый молодець
 А-я честная ль ты вдова аль жона мужняя?

Въ четвертомъ стихѣ удареніе съ горюшица правильнѣе было бы перенести на эпитетъ—бѣдна́, что болѣе подтверждало бы правило, предложенное самимъ же авторомъ; у Гильфердинга это удареніе выставлено (стр. 544). Что касается до послѣдняго стиха, то кажется, въ немъ нельзя не выставить ударенія на жона, хотя бы только потому что Гильфердингъ съ особенною настойчивостью отмѣчаетъ это слово, не только въ приведенномъ стихѣ, но и во многихъ другихъ (стр. 544), при чемъ: жѡна, если слѣдующій за эггнмъ словомъ слогъ ударяется: жѡна мужняя, и жонá, если восподнимается не рядомъ стоящій слогъ:

Не вдова то есть жонá не мужняя.

Изъ слѣдующаго отрывка на той же страницѣ укажемъ на два стиха:

Она стала вокругъ молодца похаживать.
 То-ли городъ тебѣ чужъ люди незнаемы

Въ первомъ стихѣ слово вокругъ, вмѣстѣ, по нашему мнѣнію, особенное значеніе, не только мѣстное, но и, такъ-сказать, качественное: „турыжна бабицо арыжная“ не просто ходила вокругъ его, а съ прямою цѣлью соблазнить его, увлечь, вскружить ему голову; этотъ-то смыслъ и выраженъ словомъ вокругъ, и потому оно не можетъ остаться не восподнятымъ ¹⁾; что это не совсѣмъ безъ основанія, сошлемся опять на Гильфердинга, который отмѣтилъ это слово удареніемъ:

Она стала вѡкругъ молодца похаживать. стр. 545.

Руководясь смысловымъ удареніемъ, едва ли можно, во второмъ стихѣ, оставить безъ него слово люди, послѣ того какъ поставили его на городъ, чужъ и незнаемы; если незнаемы восподнято въ параллель съ чужъ, то въ параллель съ городъ надо восподнять

¹⁾ Еще случай перенесенія ударенія на предлогъ.

и люди, тѣмъ болѣе, что и Гильфердингъ это слово отмѣтилъ удареніемъ:

Толи городъ тебѣ чужъ люди незнаемы (стр. 546),

при чемъ людѣи, а не людіи, потому что рядомъ восподнято чужѣи.

Строгое воспроизведеніе авторомъ Гильфердинговыхъ удареній въ другихъ случаяхъ давало бы право ожидать такого же соблюденія и въ 7-ми приведенныхъ сейчасъ, или по крайней мѣрѣ указанія причинъ, почему въ этихъ случаяхъ Гильфердинговымъ удареніямъ не пужно придавать значенія; это право окажется еще болѣе естественнымъ, если мы припомнимъ, какое значеніе придаетъ нашъ изслѣдователь авторскимъ удареніямъ, которыя отмѣчены Гильфердингомъ; на стр. 12 онъ между прочимъ говоритъ: „Никто тутъ не авторитетъ, кромѣ самого автора, самого поэта вольнаго; и разрѣшить недоумѣніе наше—одно средство: справиться у самого автора, чѣмъ тутъ жертвовать укажетъ онъ, привычнымъ ли удареніемъ въ такомъ то словѣ, или же стройностью всего стиха? Наглядные отвѣты на такія справки у самого автора, у поэта изъ вольныхъ вольнаго, у русскаго народа и даетъ намъ сборникъ Гильфердинга“.

Въ указанныхъ выше случаяхъ мнѣніе наше, несогласное съ мнѣніемъ г. Голохвастова, находило себѣ подтвержденіе именно въ этихъ справкахъ. Тутъ остается предположить что-нибудь одно: или Гильфердингъ даетъ вѣрныя справки, и законъ г. Голохвастова далеко не всегда соблюдается, или же ученіе г. Голохвастова дѣйствительно законъ, и Гильфердинговы справки не тѣ справки, о какихъ намъ только что говорилъ авторъ; но тогда едва ли нужно было на этомъ такъ настаивать и, главное, опираться на нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ подъ этотъ законъ подходятъ. Что касается до насъ, то вполне соглашаясь съ мнѣніемъ автора объ упомянутомъ достоинствѣ сборника Гильфердинга, мы склонны скорѣе допустить первое изъ указанныхъ предположеній, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Голохвастовъ, кажется, не всегда видитъ соблюденіе своего закона, на что указываетъ, между прочимъ примѣръ, приведенный имъ для подтвержденія важности авторскаго ударенія, какъ укавателя правильнаго чтенія стиха; на стр. 11 читаемъ:

А отъ мѣньшаго ему князю отвѣта нѣтъ.

Здѣсь князю отмѣчено удареніемъ; стихъ 13-ти сложный; по ученію г. Голохвастова, это, очевидно, срединное смысловое удареніе

и должно непременно падать на 7-й слогъ; по счету же оказывается на 9-мъ.

Остается прослѣдить еще примѣры, приведенные авторомъ изъ сборника г. Барсова, изъ причитаній Ирины Фодосовой: на стр. 61:

Стане староста судью тутъ угосаривать:
 Не давай спѣси во младую головушку,
 Суровства ты во ретливое сердечушко,
 Да ты чинюмъ-то своимъ не возвымайся-тко
 Едины да всѣ у Бога люди созданы.
 На крестыльмъ ты съ кулаками не наскакывай.

Если въ третьемъ стихѣ отмѣчено смысловымъ ударениемъ суровства, то столько же оснований, полагаемъ, и для постановки такого же ударенія на словѣ спѣси — во второмъ стихѣ. Въ четвертомъ стихѣ своимъ — едва ли главное по смыслу; постановкой на немъ ударенія, кажется, можно навязать стиху нѣсколько иной оттѣнокъ: какъ будто и чинъ-то на немъ не жалованный, а свой собственный; поэтому правильнѣе было бы, по нашему мнѣнію, смысловаго ударенія на немъ не ставить:

Да ты чинюмъ-то своимъ не возвымайся-тко.

О пятомъ стихѣ уже раньше была рѣчь.

„Хотѣлъ тутъ остановиться и не могу“, говоритъ далѣе авторъ, — „попробуйте-ка прочесть не сильно эти, вѣдь точно саблей нарубленныя ударенія:

Но на то да вѣдь вы судьби выбираетесь!
 Хотъ же рьянъ да ты, посредничекъ, уходишься
 Хотъ спѣсивъ да ты, начальникъ, присядешься“.

Остановимся на двухъ послѣднихъ стихахъ; прежде всего считаемъ излишними здѣсь запятая послѣ ты: у г. Барсова ихъ нѣтъ (стр. 285); безъ нихъ уничтожается полносмысленность и самостоятельность словъ посредничекъ и начальникъ, которыя, въ этомъ случаѣ, не обращенія, а скорѣе, сказуемыя, и полносмысленность ихъ восстанавливается лишь вмѣстѣ со словами рьянъ и спѣсивъ; смыслъ этихъ стиховъ такой: хотъ ты и рьяный посредникъ, а все-таки уходишься, хотъ ты и спѣсивый начальникъ, а присядешься; выдѣлять поэтому посредничекъ и начальникъ въ самостоятельныя стопы едва ли основательно; было бы естественнѣе читать такъ:

Хоть же ры́бнъ да ты посредничекъ, ухóдишься.
Хоть спѣсѣвъ да ты начальникъ, пріусѣдешься.

Въ слѣдующемъ затѣмъ отрывкѣ (на стр. 61) рассмотримъ три стиха:

И порóскажу тебѣ дочь обидная....
Надо ластушкой летать да кругомъ людшекъ
Надо плеточкой кругъ ихъ да обвинятися....

Кажется, напрасно выставлено удареніе на словѣ тебѣ; такая постановка, отгѣняя это слово, сосредоточиваетъ на немъ вниманіе читателя и невольно заставляетъ искать къ нему поясненія въ слѣдующемъ словѣ, то-есть, заставляетъ относить дочи обидная къ слову тебѣ, между тѣмъ какъ смыслъ требуетъ относить ихъ къ я (пороскажу); эти-то слова и нужно восподнять, а тебѣ произнести, по возможности, вскользь, незамѣтно. Только удареніе на тебѣ и придаетъ стиху двусмысленность, по поводу которой самъ авторъ счелъ нужнымъ оговориться въ выноскѣ: „то-есть, я, дочь обиженная судьбой“; чтеніе этого стиха въ подлинникѣ, у г. Барсова, недоразумѣнія не порождаетъ, потому что этого ударенія тамъ нѣтъ. (Барсовъ, стр. 66).

Слово летать, во второмъ изъ приведенныхъ стиховъ, составляетъ нераздѣльную часть выраженія „ластушкой летать“; въ данномъ случаѣ оно только и получаетъ полный смыслъ, взятое вмѣстѣ съ нимъ, и потому едва ли летать составитъ самостоятельную, полносмысленную стопу. Признавая „ластушкой летать“ за одно нераздѣльное выраженіе, достаточно выставить смысловое удареніе на главномъ, характеризующемъ его словѣ — ластушкой.

Въ третьемъ стихѣ не видно надобности въ восподъемѣ слова ихъ; въ предыдущемъ стихѣ уже восподнято людшекъ; повтореніе того же самаго здѣсь является излишнимъ. Приведенные стихи мы прочитали бы такъ:

И порóскажу тебѣ дочи обидная...
Надо ластушкой летать да кругомъ людшекъ,
Надо плеточкой кругъ ихъ да обвинятися.

Наконецъ, въ послѣднемъ отрывкѣ отмѣтимъ слѣдующіе стихи:

На дѣлаахъ была побѣдна штукаоватая,
На словаахъ была побѣдна смысловатая.

Восподъемъ слова побѣдна въ обоихъ случаяхъ способенъ породить двусмысленность; онъ придаетъ этому слову такую же зна-

менательную роль, какъ и словамъ шутоватая, смысловатая; если отбывать побѣдна, то выходитъ, собственно, такой смыслъ: на дѣлахъ я была и побѣдна, и смысловатая... Въ интересахъ смысловой рельефности этихъ стиховъ, намъ казалось бы, слѣдуетъ, не только не восподнимать побѣдна, но даже, по возможности, его умалить, сдѣлать незамѣтнымъ; тогда только во всей силѣ выступить то, что тутъ по смыслу является главнымъ, то-есть, на дѣлахъ была шуковатая, на словахъ — смысловатая:

На дѣлахъ была побѣдна шуковатая.

На словахъ была побѣдна смысловатая.

Что касается до послѣдняго стиха въ отрывкѣ:

Шутки-шмоночки куда мои дѣвались,

то является сомнѣніе, нужно ли тутъ восподнимать слово куда; усиленное удареніе на немъ придавало бы всему стиху характеръ самостоятельнаго вопроса; этого однакожь нѣтъ, и стихъ этотъ находитъ въ зависимости отъ предыдущаго:

Я сама того побѣдна *сдвигалася*,

куда—здѣсь только относительное, а не вопросительное и потому едва ли можетъ составить полномысленную стопу; къ тому же это слово риторическое и входитъ въ составъ цѣльнаго, недѣлчимаго выраженія „куда дѣвались“, что значитъ, собственно, „изчезли“; смысловое удареніе, поэтому, достаточно выставить на главномъ словѣ этого выраженія:

Шуточки шмоночки куда мои дѣвались,

подобно тому какъ черезъ пять стиховъ выше читаемъ вмѣстѣ съ авторомъ:

Куда *смысь* да мое суровство дѣвалось,

При чемъ куда не восподнято (стр. 62). Итакъ, изъ сотни приведенныхъ примѣровъ мы имѣли возможность высказаться противъ многихъ, числомъ около 40. Едва ли послѣ этого можно считать основательными завѣренія автора, что примѣры, приведенные имъ „выдались всѣ удачнѣе“ (стр. 63). Удачными мы назвали бы ихъ тогда, еслибъ они не порождали никакихъ сомнѣній и, не допуская возможности другихъ толкованій, носили бы на себѣ характеръ непреложной истины, неоспоримаго факта; только въ такомъ случаѣ они и могли бы служить „эмпирическимъ доказательствомъ“ и были бы

ужь, конечно, убѣдительно. Здѣсь же, примѣняя принципъ автора (смысловыя ударенія) къ тѣмъ даннымъ, которыя должны бы были подкрѣплять предлагаемый законъ (три ударенія), мы наталкиваемся на случаи, гдѣ видимое соблюденіе закона нарушаетъ принципъ.

Авторъ предусмотрѣлъ только одинъ случай, яко бы, нарушенія этого принципа и представилъ свои соображенія въ опроверженіе его (стр. 62—63); мы нашли возможнымъ значительно увеличить число такихъ случаевъ, подкрѣпивъ нашъ взглядъ своими соображеніями; кто нибудь третій могъ бы выставить еще рядъ соображеній и т. д.; это одно уже можетъ говорить противъ предлагаемаго принципа и его примѣненія, доказывая его шаткость, непрочность, неустойчивость и зависимость отъ личнаго взгляда каждаго изслѣдователя ¹⁾.

Все это можно было сказать даже на основаніи примѣровъ, приведенныхъ самимъ авторомъ, который выбиралъ ихъ „немножко направляя случай, гораздо болѣе отдаваясь случаю“, при чемъ не надо забывать словъ автора: „у меня отиѣчены въ сборникѣ всѣ вѣрные стихи“ (стр. 62). Еслибы авторъ, уже совершенно отдавшись случаю, (что при эмпирическихъ доказательствахъ этого рода особенно важно), и не отиѣчая заранѣе вѣрныхъ (?) стиховъ, сталъ бы приводить примѣры, то вѣроятно, онъ наткнулся бы и на такіе:

Туть выводять *Стѣвра* ⁵ съ погребовъ глубокіихъ

Отпустили *Стѣвра* ⁵ съѣздить во чисто поле. Гильф. стр. 73.

А на ты лясѣ Добрыня приукинулся. стр. 315,

А накинѹ *на* ⁵ вась службу я великую. стр. 317.

Со змѣѹ то Добрыня *дрѣлся*, ⁹ ратился. стр. 318.

Говорилъ старѣѣ ⁵ казаць да Илья Муромецъ.

Привезли его собаку *цѣря* ⁹ Калина. стр. 457.

Вуду *тѣбѣ* ⁵ маѣгитъ даннѣ вѣкъ и по вѣку.

Маковки ¹ онѣ злочены вси повмыстрѣлялъ. стр. 458.

¹⁾ Ср. нашу статью: «По поводу тоимической теоріи въ слав. народн. творчествѣ», въ Сборникѣ стат. по Славяновѣдѣнію, стр. 482 и сл.

²⁾ Отиѣчаю курсивомъ нарушенія закона г. Голохвастова. Всѣ примѣры 13-ти словные; отиѣченныя ударенія выставлены Гильеердингомъ.

Тѣперь мѣстечко за столнкомъ по выше всихъ. стр. 460.

Прѣшель къ старому казакѣ къ Ильѣ Муромцу. стр. 459.

Намъ куда велишь итти дай куда ѣхати. стр. 463.

Ѣны другъ друіа-то били по бѣлымъ грудямъ.

Да со всею *собою* силы съ богатырскою.

Ѣны другъ друіа не сшибли со добрыхъ коней.

А не били *оны* другъ друіа не раплил.

Какъ намъ *силушка* другъ у друіа отвѣдати.

Припустили *оны* другъ къ друіу добрыхъ коней.

Ѣны другъ друіа то били не жалухою.

Ѣны другъ друіа не сшибли со добрыхъ коней. стр. 464.

У меня есть *родна* матушка честна вдова.

Кѣлачи *пекла* да тымъ меня воспитала.

И отпустила *меня* ѣхать на святую Русь. стр. 466.

Не спущу *этой* *посмѣшки* на святую Русь. стр. 467.

Да я принесъ *онъ* *первы* мисы чиста сѣребра

Имъ *припесъ* *друіа* мисы красна золота

Третьи мисы *приносили* *онъ* скатна жемчуга. стр. 494.

Перестань *ко* *сѣдять* *плеткой* по бѣлой груди

Тоби *полпо-тко* *ропить* да *людей* чернети. стр. 528.

Туть *сустигла* *млодда* ') да *почка* *темпал*,

Еще *туть-то* *млодець* да *запечалися*,

Еще *туть-то* *млодець* да *закручинился*,

Приклонилъ *буйну* *головушку* къ *сырой* землѣ. стр. 545.

и т. д.

Почти всѣ эти примѣры находятся вблизи приведенныхъ авторомъ; мы отмѣчали, главнымъ образомъ тѣ стихи, ударенія въ кото-

') Слѣдуя закону г. Голохвастова, нужно бы читать *млодда*, а не *млодда*....

рыхъ выставлены Гильфердингомъ, и выставлены, по нашему мнѣнію, совершенно основательно.

Изъ всего этого выходитъ, что въ былинномъ 13-ти-сложномъ стихѣ смысловыя ударенія ставятся не только на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ, но на 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 11-мъ слогахъ; одинъ стихъ указываетъ даже постановку его на 2-мъ, 6-мъ и 10-мъ слогахъ стр. 74.

Вся князи да бояра нуиь поиманены
₂ ₆ ₁₀

Итакъ, несомнѣнно, что соблюдается постановка удареній, предлагаемая авторомъ, но рядомъ съ этимъ соблюдается и другая постановка, которая, не исключая первой, придаетъ ей лишь характеръ частнаго случая при болѣе общемъ явленіи: можно сказать, что смысловое удареніе ставится на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ слогахъ, потому что оно ставится на 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 11-мъ слогахъ...

Авторъ предвидѣлъ возможность примѣрами же доказать несоблюденіе предлагаемаго имъ закона и потому счелъ нужнымъ усилить свои эмпирическія доказательства. „Мало, слѣдовательно, убѣдить васъ въ соблюденіи, нужно еще убѣдить васъ въ неслучайности соблюденія; надо доказать, что нарочно явносознательно соблюдается такой-то, тогда уже рѣшительно законъ“, говоритъ авторъ на стр. 63, и далѣе: „Вѣрнѣйшіе признаки сознательности соблюденія стихотворнаго закона,—все то, что называется *licentia poetica*, иначе сказать, авторскія натяжки: ибо вѣдь единая возможная цѣль всѣхъ такихъ натяжекъ: соблюсти во чтобы то ни стало извѣстный стихотворный законъ; а таковой цѣли не можетъ у автора быть безъ сознанія, что такой-то законъ существуетъ и что соблюдать оный, хотя бы и черезъ силу, должно“ (стр. 64). Приводятся примѣры изъ Пушкина:

Глазами страшный призракъ мѣрилъ
 Богатыря призракъ огромный
 Пустой и гибельный призракъ,

также примѣры изъ стиховъ святителя Димитрія (стр. 64—66).

„Отчего бы“, спрашиваетъ затѣмъ авторъ,—„невозможны такіе же натяжки ради соблюденія... стиха въ былинахъ у нашихъ пѣвцовъ? Посмотримте же, не найдемъ ли мы и тутъ слоговыхъ удареній натянутыхъ съ обычнаго на необычное... Въ былинной схемѣ, слѣдовательно натяжки эти должны цѣлиться и попадать: на 3-е мѣсто стиха, если слово это первое смысловое въ стихѣ, на 7-е, если слово 2-е смысловое и на 11-е, если слово 3-е смысловое...“ (стр. 66).

Примѣры (стр. 67—68):

Когда *будемъ* ты на матушкѣ святой Руси
 Дай *будемъ* когда у князя у Владимира
 Не *буду* ѣсть твоихъ ѣствушекъ сахарныхъ.
 Онъ какъ гадитъ, что дѣло ему не нѣлюбн
 Тебя какъ то молодца да *именемъ* зовутъ.

Вотъ сущность втораго доказательства автора. По видимому, оно совершенно убѣдительно; въ самомъ дѣлѣ, тутъ бросается въ глаза переноска ударенія съ обычнаго слога на необычный, и непременно на 3-й, 7-й и 11-й. Но рассмотримъ, на сколько въ дѣйствительности, это доказательство убѣждаетъ въ необходимости, неизбежности закона предлагаемаго авторомъ. Уже самый исходный пунктъ этого доказательства порождаетъ нѣкоторые сомнѣнія; авторскія натяжки въ примѣненіи къ искусственной поэзіи—только и мыслимой при существованіи готовыхъ, заранѣе придуманныхъ правилъ,—объяснимы и понятны, ибо заранѣе уже всякому читающему извѣстно, чего онѣ добиваются; въ примѣненіи же къ твореніямъ „поэта изъ вольныхъ вольнаго“, едва ли эти натяжки могутъ убѣдить насъ въ чемъ-нибудь—уже потому, что заранѣе не придумано еще, не установлено для нихъ окончательно тѣсныхъ рамокъ, не сочинено правилъ, стало быть нѣтъ твердой почвы, опираясь на которую можно было бы сказать, что натяжка эта понятна и вызывается вотъ такимъ-то закономъ; на законъ, предлагаемый авторомъ, опираться нельзя, ибо онъ-то и ищетъ себѣ оправданія, и твердой почвы отнюдь не представляетъ. Разсматривая необычное удареніе въ приведенныхъ литературныхъ стихахъ:

Богатыря *призракъ* огромный
 И *пальба* и *громъ* музыки

мы можемъ лишь дойти до того, что удареніе въ первомъ случаѣ перенесено съ нечетнаго на четный слогъ, и во второмъ—съ четнаго на нечетный; послѣдующій выводъ, тотъ именно что первый стихъ написанъ именно ямбомъ, а второй—хореемъ, мы сдѣлаемъ лишь при несомнѣнномъ и точномъ знаніи законовъ того и другаго стиха. Обращаясь къ примѣрамъ изъ народнаго стиха, мы видимъ переноску ударенія: со 2-го, 4-го и 5-го на 3-й слогъ, съ 6-го и 8-го на 7-й, съ 12-го, 10-го и 9-го на 11-й; все это факты, говорящіе за то, что въ данныхъ случаяхъ слоги 3-й, 7-й и 11-й являются господствующими надъ другими; но дальнѣйшій выводъ, именно, что всегда

въ 13-ти-сложномъ былинномъ стихѣ эти слоги являются таковыми, едва ли отсюда возможенъ; онъ былъ бы возможенъ и даже необходимъ, еслибъ уже было доказано раньше, что другой постановки удареній фактически не бываетъ, или наконецъ, что другая постановка—случайность.

Авторъ, кажется, предполагаетъ, что неслучайность одного изъ двухъ положеній всегда и непременно влечетъ за собою случайность другого, и потому, вѣроятно, не довелъ дѣло до конца, именно не доказавъ случайности несоблюденія своего закона, (самъ допуская возможность такого несоблюденія). Между тѣмъ ничто не мѣшаетъ намъ сказать, что если неслучайно соблюденіе его закона, то на столько же неслучайно и несоблюденіе его; чтобы это не было голословнымъ, можно и доказать, пользуясь притомъ тѣмъ же самымъ приемомъ, какимъ пользовался авторъ при своемъ доказательствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ примѣры несоблюденія закона:

Топерь мѣстечко за столикомъ по выше всехъ. Гильф. стр. 460.

Пришелъ къ старому казакѣ къ Ильѣ Муромцу. стр. 459.

Коблачи некла да тымъ меня воспитала. стр. 466.

Несоблюденіемъ тутъ является постановка ударенія на 1-мъ слогѣ; при этомъ натажка тутъ явная: вмѣсто обычнаго: топѣрь, пришѣлъ, колачѣ—слышимъ: топѣрь, пришѣлъ, колачи. „Ну и треснуло немножко, а влѣзло-таки на 1-й (а не на 3-й) слогъ первое большое удареніе стиха“, скажемъ мы словами автора (стр. 67).

Точно также можно доказать неслучайность ударенія на 5-мъ слогѣ:

Дай когда будѣшь во градѣ ты во Киевѣ (стр. 521).

Да со всею собою силы съ богатырскою

Припустили они другъ къ другу добрыхъ коней.

Какъ намъ слышнѣя другъ у друга отвѣдати (стр. 464).

Вмѣсто: будѣшь, собою, они, силушка слышнѣя необычное будѣшь, собою, они, силушка.

То же самое относительно 9-го слога:

Тоби позво-тлю ронять да людей чернети. стр. 523.

Намъ куда велишь итти да ѣ куды ѣхати. стр. 463.

А отъ меньшаго ему килѣвъ отвѣта нѣтъ (Голоховъ стр. 11).

Натажки явныя: не людѣй, куды, князю, по людѣй, куды, князю...

Итакъ, натажки натажками, а законъ самъ по себѣ; къ первому доказательству это второе ровно ничего не прибавило и дало только возможность еще съ большимъ правомъ утверждать, что смысловыя

ударенія въ 13-ти-сложномъ былинномъ стихѣ ставятся на 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 7-мъ, 9-мъ и 11-мъ слогахъ, притомъ на столько же сознательно (если видѣть въ этомъ сознательность), на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ, въ сколько и въ остальныхъ случаяхъ.

„Но что смысловыя то слова“, говоритъ затѣмъ авторъ, — „не случайно пришли подъ эти 1-е, 2-е и 3-е ударенія стиха“, и что онѣ сознательно выбраны подъ эти ударенія, — „вотъ въ чемъ сомнѣваться еще можно. А вѣдь сомнѣваться, истинны же ради, покуда можно, потоль и должно“ (стр. 68—69). Еслибъ авторъ и устранилъ всякія сомнѣнія по этому поводу, то въ виду предыдущаго, едва ли бы этигъ онъ что-нибудь прибавилъ къ силѣ первыхъ двухъ доказательствъ. Тѣмъ не менѣе рассмотримъ и это рѣшающее, по мнѣнію автора, послѣднее доказательство. Оно основано опять на авторской натяжкѣ и именно „на перестановкѣ словъ изъ обычнаго, грамматически-правильнаго порядка въ необычайный и въ неправильный. Эту натяжку позволяли себѣ всегда и вездѣ даже самыя великія дѣла сего“ (стр. 69). Примѣръ изъ Пушкина:

Бродить Тригорскаго кругомъ.

Примѣры такихъ натяжекъ у народныхъ пѣвцовъ авторъ приводитъ слѣдующіе:

А повязднъ-ка съ гробѣ меля глубокаго

вмѣсто:

А повязднъ-ка меля съ гроба глубокаго.

А помногу ли самъ вѣсть да Илья Муромецъ

Шутки—шмоночки куда моч дѣвался.

На этихъ примѣрахъ авторъ и доказываетъ, что народныя пѣвцы наши допускаютъ даже „тарабарщину“ ради того только, чтобы подогнать трехъ смысловое слово подъ 7-й слогъ (стр. 71).

Если авторъ полагаетъ, что такая перестановка словъ въ 13-сложномъ стихѣ есть нечто иное, какъ авторская натяжка для достиженія предлагаемаго имъ закона, то тѣмъ самнитъ онъ уже не допускаетъ возможности такой же перестановки въ нихъ для какихъ бы то ни было другихъ цѣлей; между тѣмъ, кажется, можно бы видѣть примѣры, въ которыхъ такая перестановка имѣется и въ то же время не объясняется этимъ закономъ; къ числу такихъ примѣровъ мы отнесли бы и стихъ:

Шутки—шмоночки куда моч дѣвался,

въ которомъ куда не считаемъ самостоятельнымъ смысловымъ словомъ.

На стр. 537 въ сборникѣ Гильфердинга читаемъ:

Какъ другъ у другіа намъ силушки отвѣдати;

черезъ три стиха находимъ:

Туть мы силушки у другъ другіа отвѣдаемъ.

У другъ друга вѣдь ужъ явная перестановка, и притомъ грамматически неправильная; между тѣмъ законъ г. Голохвастова тутъ не при чемъ, ибо стихъ хотя и 13-сложный, но имѣеть удареніе на 9-мъ слогѣ.

Такая разписка словъ, какъ „съ гроба меня глубокаго“, явленіе, кажется, нерѣдкое, и едва ли его нужно считать неизменно авторскою натяжкой для соблюденія предлагаемаго закона; возьмемъ, на примѣръ, стихъ:

Избиралъ коня соби а богатырскаю.

(Гильф., стр. 539).

Очевидно тутъ перестановка словъ далеко необычная и въ то же время вовсе не вызывается потребностью соблюсти указанный законъ: ясно, что тутъ смысловыя слова: избиралъ, коня и богатырскаго, и для соблюденія закона пѣвецъ сказалъ бы:

Избиралъ соби коня а богатырскаго

или даже:

Избиралъ а богатырскаго коня соби.

По нашему мнѣнію, такимъ перестановкамъ у народныхъ пѣвцовъ надо дать больше свободы, не стѣсняя ихъ законами въ родѣ указаннаго; мы склонны даже не считать ихъ авторскими натяжками; если же авторъ правъ, и это натяжки, то съ помощью ихъ можно бы доказать и другую постановку, кромѣ указанной г. Голохвастовымъ, на примѣръ, хоть бы на 5-мъ слогѣ, какъ это видно было изъ только что приведеннаго нами стиха:

Избиралъ коня соби а богатырскаго;

или на 9-мъ слогѣ:

На двѣ стороны она шла-бы вѣсомъ ровню ¹⁾.

(Гильф., стр. 489).

¹⁾ Удареніе выставляемо Гильфердингомъ.

Она шла бы — очевидно, постановка необычная; естественно же было бы сказать шла бы она:

На двѣ стороны шла бы она вѣсомъ равно.

Здѣсь восподнято словечко бы, и не безъ основанія; въ этомъ бы заключается сила предполагаемаго условія; дѣло въ томъ, что король Литовскій предлагаетъ испытаніе „святорусскимъ богатырямъ“, кто, молъ, изъ васъ гораздъ „стрѣлять изъ луку изъ разрывчата“, пустить изъ него „стрѣлочку каленую по острѣю по ножевому, въ колечико серебряно“, да такъ пустить,

Чтобы стрѣлочка катилася каленая
По тому ли по острѣю по ножевому,
Да во тѣе во колечико серебряно,
На двѣ стороны она шла бы вѣсомъ равно
И угодила бы въ колечико серебряно.

Подъ этимъ бы можно подразумѣвать: да не просто чтобы катилася по острѣю по ножевому, а такъ, чтобы „на двѣ стороны вѣсомъ равно“, то-есть, самою своею серединой. И такъ, бы тутъ слово смысловое. Для чего же потребовалась перестановка? Если это „авторская натяжка“, то очевидно, для того, чтобы волей, неволей втиснуть его подъ 9-й слогъ (а не подъ 7-й); мы же скорѣе полагали бы что это, дѣйствительно, хоть и натяжка, но явилась она у пѣвца „изъ вольныхъ вольнаго“ какъ будто ради того только, чтобы оградить свободное творчество его отъ посягательства на эту свободу и не попасть подъ стѣснительный законъ г. Голохвастова; въ самомъ дѣлѣ, не будь этой перестановки, стихъ, какъ разъ, угодилъ бы подъ законъ:

На двѣ стóроны шла бы она вѣсòмъ равно.

„И такъ, натяжки дѣло худое... а все-таки же не только простить за натяжки, а еще и благодарить должны мы пѣвцовъ нашихъ; и чѣмъ хуже были ихъ натяжки, тѣмъ больше благодарить, ибо тѣмъ обнаженнѣе изъ подъ покрова рѣчи, тѣмъ явнѣе намъ воочію выдалась вся тайна великаго закона: стихотворная краеугольность смыслового ударенія“. Такъ заканчиваетъ авторъ свое изслѣдованіе.

Къ этому можно прибавить, что натяжки же и мѣшаютъ, между прочимъ, примѣненію этого „великаго закона“.

Законъ г. Голохвастова, предписывая только три устоя, и притомъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, не смотря на все разнообразіе стопъ,

имъ предполагаемыхъ, является все-таки крайне стѣснительнымъ; пѣвецъ „изъ вольныхъ вольный“ едва ли посить въ своемъ сознаниіи такія тѣсныя рамки, и, чтобы не выйти за предѣлы ихъ въ моментъ своего творчества, едва ли долженъ онъ „цѣлиться и попадать“ въ эти три назначенныя ему пункта, и все это для того, чтобы доставить въ результатѣ не стихи свободныя и живыя, а крайне утомительныя для слуха и однообразныя вслѣдствіе повтореній, на равныхъ между собой разстояніяхъ, этихъ трехъ удареній: 3-го, 7-го и 11-го!

Если прочесть, ударяя на эти слоги, стиховъ двадцать, не говоримъ уже—двѣсти, подрядъ, то едва ли можно будетъ согласиться съ авторомъ, что „соловьемъ съ дубовъ заливаема нашъ русскій народный стихъ“.

Въ самомъ дѣлѣ:

То идѣтъ она съ крестьянской со рабѣтушка
 Во правой рукѣ несѣтъ-то косу вѣструю,
 Во лѣвой рукѣ несѣтъ-то грабли чѣстыя
 На плечахъ бѣдна горюшница дрѣва несѣтъ
 Приходила то къ худобѣ къ малой хижинкѣ
 . . . ' . . . ' . . . ' . . .

Итакъ, вотъ результаты всего изслѣдованія: Удареніе, какъ краеугольная основа стихотворной рѣчи вообще, далеко не достаточно обосновано; доказательства привели къ тому лишь, что въ стихахъ есть „гармонія удареній“, откуда краеугольность удареній сама собою еще не вытекаетъ. Такой же результатъ оказался и относительно краеугольности смысловаго ударенія для русскаго народнаго стиха. Что же касается до примѣнимости закона о трехъ смысловыхъ удареніяхъ, на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ слогахъ въ 13-ти-сложной былинѣ, то разсмотрѣніе ряда доказательствъ, приведенныхъ въ подтвержденіе его, привело лишь къ выводу о частномъ характерѣ этого наблюденія и, вслѣдствіе того, къ невозможности признать его за законъ.

Разсмотрѣніе труда г. Голохвастова, сильно, и увѣренно написаннаго, убѣдило насъ въ томъ, что удареніе, взятое за основу стиха, едва ли можетъ привести къ какимъ-нибудь практическимъ результатамъ; свободная и разнообразная постановка его, какъ видѣли, не позволяетъ сдѣлать его исходнымъ пунктомъ для созданія какихъ бы то ни было законовъ. Законы, очевидно, есть у народныхъ пѣвцовъ нашихъ, но строятся они едва ли на удареніяхъ; роль послѣднихъ,

полагаемъ, можетъ лишь имѣть характеръ служебный и зависимый отъ другихъ болѣе прочныхъ устоевъ ¹⁾).

Исслѣдованіе г. Голохвастова написано живымъ языкомъ, могущимъ убѣдить многихъ; въ изложеніи, однако, нельзя не замѣтить отсутствія устойчивости метода: недостаточно обосновавъ главное положеніе, авторъ, какъ видѣли, развиваетъ второстепенныя, изъ него исходящія. И самый методъ изученія вопроса, на сколько онъ отразился въ первой главѣ изслѣдованія, едва ли можетъ быть названъ основательнымъ. При рѣшеніи такого широкаго и сложнаго вопроса, какъ законы русскаго народнаго стиха, едва ли можно начинать дѣло съ частныхъ; изученіе, съ этой стороны, по возможности всѣхъ видовъ народнаго творчества, не только русскаго, но и вообще славянскаго, должно бы, кажется, предшествовать выработкѣ общаго закона, который и можетъ быть выдаваемъ за таковой только лишь послѣ удачнаго примѣненія его ко всѣмъ, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ видамъ этого творчества. Слова автора на стр. 4 „угадать основные законы, общіе, должно быть всѣмъ нашимъ историческимъ формамъ и т. д.“ не могутъ не возбуждать сомнѣнія.

Тѣмъ не менѣе, разработка въ этомъ трудѣ многихъ частныхъ, касающихся народной русской рѣчи вообще, свидѣтельствуетъ о большой наблюдательности автора и о прекрасномъ практическомъ знаніи имъ русской народной рѣчи; его трактаты, напримѣръ, о

¹⁾ По нашему мнѣнію, законы русскаго и вообще славянскаго народнаго стиха сводятся на поэтическое, такъ сказать, *разносіе*, главная сущность котораго заключается въ томъ, что стихъ, раздѣленный непремѣнно на два полустишія (равныхъ или неравныхъ по слоговому составу), произносится такъ, что при этомъ замѣчается стремленіе къ *уравновѣженію* этихъ полустишія во времени для ихъ произношенія; если стихъ дѣлится, напримѣръ, на два полустишія такъ, что въ первомъ 7 слоговъ, а во второмъ 5 слоговъ, то слоги втораго полустишія произносятся медленнѣе слоговъ перваго:

$\overset{\sim}{\text{В}} \overset{\sim}{\text{отъ}} \overset{\sim}{\text{тѣбъ}} \overset{\sim}{\text{ба}} \overset{\sim}{\text{бу}} \overset{\sim}{\text{шк}} \overset{\sim}{\text{а}} \quad | \quad \overset{\sim}{\text{Ю}} \overset{\sim}{\text{рь}} \overset{\sim}{\text{евъ}} \overset{\sim}{\text{д}} \overset{\sim}{\text{е}} \overset{\sim}{\text{нь}}$

Схема: 6 = 3.

$\overset{\sim}{\text{А}} \overset{\sim}{\text{и}} \overset{\sim}{\text{самъ}} \overset{\sim}{\text{т}} \overset{\sim}{\text{о}} \overset{\sim}{\text{г}} \overset{\sim}{\text{овор}} \overset{\sim}{\text{итъ}} \quad | \quad \overset{\sim}{\text{та}} \overset{\sim}{\text{ко}} \overset{\sim}{\text{во}} \overset{\sim}{\text{с}} \overset{\sim}{\text{л}} \overset{\sim}{\text{о}} \overset{\sim}{\text{в}} \overset{\sim}{\text{о}}$

Схема: 7 = 5.

Указаніе на изслѣдованіе этого закона см. «По пов. тов. теор. въ Слав. нар. творч.» въ Сборн. стат. по славянозн. (стр. 488—489).

смысловомъ удареніи вообще и объ измѣненіи удареній въ постоянныхъ эпитетахъ до значительной степени восполняютъ существующіе по этому вопросу пробѣлы. При дальнѣйшихъ работахъ автора на этой почвѣ, мы въ правѣ ожидать отъ него много полезнаго и новаго, и потому не можемъ не пожелать, чтобы г. Голохвастовъ продолжалъ „свое любимое дѣло“.

Ф. Истоминъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	СТРАН.
1. (25-го декабря 1884 г.). Объ открытіи въ Урюпинскомъ реальномъ училищѣ общаго и химико-техническаго отдѣленій дополнительнаго класса, въ замѣнъ коммерческаго отдѣленія	3
2. (27-го ноября 1884 г.). Объ учрежденіи положенія для Елисаветинской Кунгурской женской руководѣльной школы	4
Положеніе о состоящей подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ Кунгурской Елисаветинской руководѣльной школѣ, учрежденной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Алексѣемъ Семеновичемъ Губевымъ.	5
3. (4-го декабря 1884 г.). О новомъ штатѣ Рижскаго городского женскаго шестикласснаго училища	8
4. (20-го января 1885 г.). О положеніи для Лифляндской дворянской гимназіи въ г. Феллишѣ	53

Высочайшія награды 10

Высочайшіе приказы.

22-го декабря 1884 г. (№ 13)	28
24-го декабря 1884 г. (№ 14)	29

30-го декабря 1884 года (№ 15)	30
1-го января 1885 г. (№ 1).	—
1-го января 1885 г. (№ 2).	—
24-го января 1885 г. (№ 3)	—

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (29-го января 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителемъ учебныхъ округовъ о дальнѣйшемъ приѣмѣ молодыхъ людей въ русскій филологическій институтъ при Лейпцигскомъ университетѣ	31
2. (29-го января 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени вдовы титулярнаго совѣтника Надежды Яковлевны Пазухиной при Костромской гимназій	32
3. (31-го января 1885 г.). Правила стипендіи имени Паула Цитовича	33
4. (31-го января 1885 г.). Положеніе о трехъ стипендіяхъ имени Ивана Карловича Прова при Московской 3-й мужской гимназій	34
5. (31-го января 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ при Краснослободской мужской прогимназій въ ознаменованіе дней Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 15-го мая 1883 года	35
6. (2-го февраля 1885 г.). Правила для стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Израила Марковича Бродскаго въ императорскомъ университетѣ св. Владиміра	37
7. (2-го февраля 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени председателя Пензенской губернской земской управы Алексѣя Николаевича Бекетова при Пензенской мужской гимназій	—
8. (8-го февраля 1885 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителемъ учебныхъ округовъ о представленіи педагогическими совѣтами среднихъ учебныхъ заведеній протоколовъ своихъ засѣданій попечителю учебнаго округа	38
9. (14-го февраля 1884 г.). Положеніе о стипендіи въ память двадцатипятилѣтія Тверской Маріинской женской гимназій	39
10. (16-го февраля 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ имени Оттиліи Редерсъ при Зарайской женской прогимназій	54
11. (19-го февраля 1885 г.). Положеніе о второй стипендіи имени статскаго совѣтника Матвѣя Ивановича Буговскаго при Тифлисской 1-й мужской гимназій	55
12. (20-го февраля 1885 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени супруги генералъ-лейтенанта Маріи Александровны Лапсаревой, учрежденныхъ при Тверской Маріинской женской гимназій	56
13. (28-го февраля 1885 г.). Правила о стипендіи незабвенной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра II	—
14. (28-го февраля 1885 г.). Правила о стипендіи Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича	57
15. (28-го февраля 1885 г.). Правила для стипендій С.-Петербургскаго университета	58

16. (23-го февраля 1885 г.). Циркулярное предложіе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ по вопросу о размѣрѣ добавочной поспѣи лицамъ, выслужившимъ по учебной части основныя поспѣи	58
17. (2-го марта 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣвцы Евгеніи Григорьевны Мустаць при Севастопольской женской гимназій	59
18. (2-го марта 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго ассессора Татьяны Старцкой при Полтавской мужской гимназій	60
19. (7-го марта 1885 г.). Циркулярное предложіе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о доставленіи заключеній о письменныхъ работахъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости	61
20. (13-го марта 1885 г.). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Государя Цаслѣдника Цесаревича Николая Александровича при Петергофской прогимназій Императора Александра II.	62
21. (13-го марта 1885 г.). Положеніе о стипендіяхъ Таганрогскаго купца Автона Архиновича Хаджіева при Таганрогской мужской гимназій	63
22. (13-го марта 1885 г.). Положеніе о стипендіи при Омской гимназій въ память трехсотлѣтняго юбилея Омбири	64

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(22-го декабря 1884 года)	40
-------------------------------------	----

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Исторія русской словесности. <i>И. Порфирьева</i> . Ч. II, отд. II“	46
О книгѣ: „Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Составилъ <i>П. Омировскій</i> . Ч. II“	—
О книгѣ: „ <i>Александръ Цытковъ</i> . Сборникъ произведеній русской народной словесности“	47
О книгѣ: „Иллюстрированная хрестоматія. Составилъ <i>А. Тарновскій</i> “	—
О книгѣ: „Родина. <i>А. Радонежскаго</i> “	—
О книгѣ: „Греческая грамматика. Ч. II. <i>Э. Чернаго</i> “	—
О книгѣ: „ <i>Г. Нидерле</i> . Грамматика греческаго языка. Ч. I. Перевелъ <i>И. Мейеръ</i> “	—
О книгѣ: „Книга упражненій къ греческой грамматикѣ <i>Г. Нидерле</i> . Составилъ <i>И. Мейеръ</i> “	—
О книгахъ <i>С. Меча</i> : „Альпы“, „Центральная Азія“ и „Кавказъ“	—
О книгѣ: „Пособіе для первоначальнаго обученія латинскому языку. Составилъ <i>И. Дрболавъ</i> “	48
О книгѣ: <i>С. Julii Caesaris commentarii; primus</i> (1-й выпускъ), <i>secundus, tertius, quartus</i> (2-й выпускъ). Съ примѣчаніями <i>Николая Наумова</i> “	—

О книгѣ: „Ευρηκίδου Ἰππόλοτος στεφανήφορος. Инполитъ. Трагедія Еврипида. Съ примѣчаніями А. Д. Лейсмана“	48
О брошюрѣ: „Руководство для начальнаго обученія телеграфированію. В. Комарова“	—
О книгѣ: „Родное слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ второй. Составилъ К. Ушинскій“	—
О книгѣ: „Для народнаго чтенія. Василій Андреевичъ Жуковский“ (Изъ „Кіевск. Губ. Вѣдомостей“)	—
О книгѣ: „Для народнаго чтенія. Крымъ и Крымскіе Татары. Изъ „Кіевск. Губ. Вѣдомостей“	—
О книгѣ: „Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской“	—
О книгѣ: „Дѣтскій театр. Сиротка. П. Г. Васильева“	49
О книгѣ: „Русское чтеніе для еврейскихъ дѣтей. Составилъ Гермфельдъ	—
О брошюрахъ Θ. Езерскаго: „Курсъ счетоводныхъ документовъ въ связи съ исправленіемъ почерка: 1) Документы общепотребныя. 2) Приложеніе: образцы почерка и счетоводныхъ документовъ“	—
О книгѣ: „Прямолінейная тригонометрія. А. Вребртссона“	65
О книгѣ: „Историческое послѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ Н. Гиббенсъ. Ч. II“	—
О книгѣ: „Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія. Сочиненіе Амедея Тьерри. Изданіе Лева Поливанова“	—
Объ изданіи: „Учебный атласъ всеобщей географіи. А. Ламберта“	66
О книгѣ: „Курсъ общей ботаники. Н. Е. Цабеля“	—
О книгѣ: „Учебникъ минералогіи. Г. Чермака. Переводъ Г. Лебедева“	—
О книгѣ: „Руководство къ полному курсу русскаго чистописанія. Составилъ В. Пожарскій“	—
О книгѣ: „Учебникъ русскою грамматики. Ч. I П. Смирновскаго“	—
О книгѣ: „Учебникъ латинскаго языка. По руководствамъ Ламмана составилъ Н. Куешинскій. Ч. I“	—
О книгѣ: „Пособіе къ чтенію Цезаря. Составилъ Г. Г.	—
О книгѣ: „Д. И. Назуевскій. О Югуртинской войнѣ (De bello Jugurtino), Саллюстія“	—
О книгѣ: „Избранныя сочиненія Платона. I. Апологія Сократа и Критона. Съ примѣчаніями А. О. Постшилла“	67
О книгѣ: „Алгебра. Составилъ Ф. Покатиловъ. В. I“	—
О книгѣ: „Сборникъ задачъ по коммерческой ариметикѣ. Составилъ Н. Васильевъ-Дюолева“	—
О книгѣ: „Очерки русской исторической географіи. Н. Барсова“	—
О книгѣ: „C. De la Droitier et F. Thormeyer. Le Tresor. Lecture et conversation. Вв. 1, 2, 3“	—
О книгахъ: „C. Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Издавъ М. Блюсъ“ и „Объяснительный словарь къ C. Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Составилъ М. Блюсъ“	—
О книгѣ: „Рѣчь Цицерона о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Объяснилъ Августъ Гобманъ	68

О книгѣ: „Начальная алгебра. Составилъ <i>Е. Пржевальскій</i> “	68
О брошюрѣ <i>В. Г. Котельникова</i> : „Объ удобреніи почвы. Изданіе <i>А. Ф. Дерсіана</i> “	—
О книгѣ: „Употребленіе знаковъ прописанія въ русскомъ письмѣ. Составилъ <i>П. И. Голдановъ</i> “	—
О книгѣ: „Курсъ исторіи русской литературы. Составилъ <i>М. А. Орловъ</i> “ . Вв. 1, 2.	—
О книгѣ: „Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Составилъ <i>Н. Бушаковъ</i> “	—
О книгѣ: „Руководство геометріи для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ <i>В. Беренсъ</i> “	69
О книгѣ: „Прямойлинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Составилъ <i>Е. Пржевальскій</i> “	—
О книгѣ: „Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы. Составилъ <i>Вас. Висковатовъ</i> “	—

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОВАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „ <i>А. Лукьяновскаго</i> . Русскія народныя сказки и были въ стихахъ“	—
О книгѣ: „Христоматія. Братъ и сестра. Написана старшею учительницей Московской городской школы <i>Соколовой</i> “	—
О книгѣ: „Методика ариметики съ приложеніемъ сборника арифметическихъ упражненій учебниковъ съ учителемъ. Составили <i>С. Житковъ</i> и <i>С. Шогеръ-Троицкій</i> “	—
О книгѣ: „Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по арифметикѣ. Составили <i>С. Житковъ</i> и <i>С. Шогеръ-Троицкій</i> “	70
О книгѣ: „Къ животворящему гробу Господню“ . Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества	—
Официальныя извѣщенія	18 и 49
Открытіе училищъ	19

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>В. Г. Васильевскій</i> . Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ <i>Іоаннѣ Асѣнѣ II</i> въ 1235 году	1 и 206
<i>П. А. Лавровскій</i> . Былъ ли святой <i>Кирилъ Солунскій</i> епископомъ	161
<i>М. С. Дриновъ</i> . Новый церковно-славянскій памятникъ съ упомяновеніемъ о славянскихъ первоучителяхъ	176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

	СТРАИ.
Э. Л. Радловъ. О направленіяхъ въ психологін	57
А. М. Позднѣевъ. Очеркъ путешествія по Монголіи. <i>М. Пячова</i> . 1883.	87
Н. А. Осокинъ. <i>И. П. Смирновъ</i> . Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. 1884	125
О. М. Истомина. Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. <i>П. Д. Головачевъ</i> . 1883	135 и 338
И. П. Филевичъ. Памятники русской старини въ западныхъ губерніяхъ. Издаваемые съ Высочайшаго соизволенія <i>П. Н. Батюшковымъ</i> . Вып. VI. Холмская Русь. 1885.	150
А. П. Веселовскій. Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ	239
А. С. Будиловичъ. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса (<i>продолженіе</i>)	265
А. И. Соболевскій. Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. <i>Н. П. Барсова</i> . 1885.	300
Н. И. Петровъ. Къ исторіи вѣжо-русской литературы XVII столѣтія. <i>П. О. Сумцова</i> . 1884—1885.	307
П. Д. Чечулинъ. Извѣстіе о походженіи Симеона Степановича Пинчевича. Изданіе <i>Н. А. Попова</i> . 1883	327
М. И—чъ. <i>А. Штернъ</i> . Всеобщая исторія литературы. 1885.	361
П. А. Сырку. Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія	363

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

И. Я. Луньякъ. Реформа преподаванія древнихъ языковъ въ австрійскихъ гимназіяхъ	1
Наша учебная литература (разборъ 26 книгъ)	23 и 33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

И. В. Помяловскій. Шестой археологическій съѣздъ въ Одесѣ 1884 г. (<i>окончаніе</i>).	1
Императорское Русское Географическое Общество въ 1884 г.	56
Императорское Русское Историческое Общество въ 1884 г.	70
Д. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	83

	СТРАН.
Некрологъ: I. Н. А. Свѣрдовъ	93
II. К. К. Зейдлацъ	94
Объ изданіяхъ свѣтѣйшаго синода ко двю тысячелѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меѳодіа	97
Императорское Русское Археологическое Общество въ 1884 г.	100
Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1884 г.	107
Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1884 г.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Θ. Φ. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи.	129
---	-----

